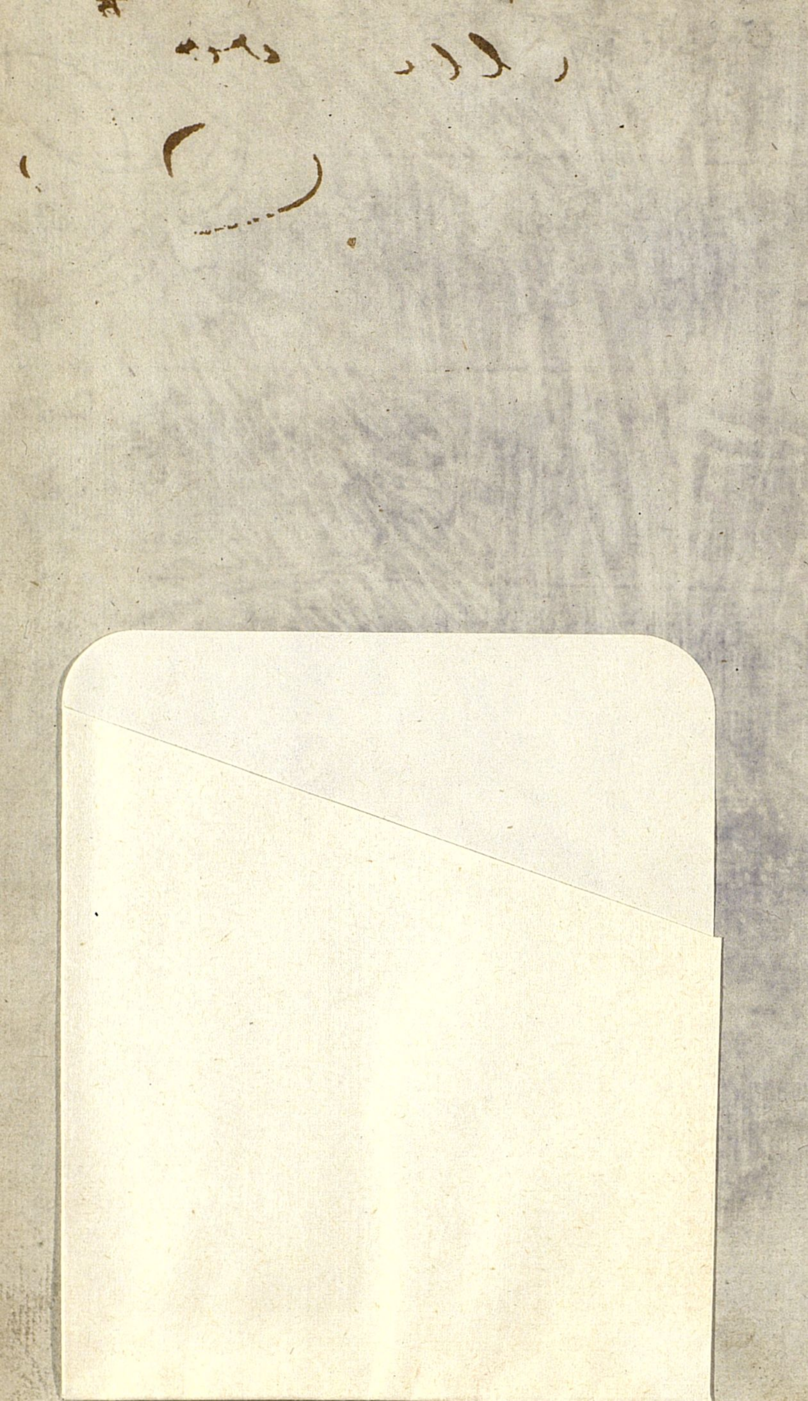

Съ одобренія Ценсурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета.

ЭКЛОГИ

П. ВИРГИЛІЯ МАРОНА,

переведенныя *А. Мерзляковымъ*,

Профессоромъ Императорскаго Московскаго Университета.

МОСКВА,
Въ Типографіи Дубровина и Мерзлякова.
1807.

Съ одобренія Ценсурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета.

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШЕМУ

ДЕРЖАВНѢЙШЕМУ

ВЕЛИКОМУ ГОСУДАРЮ

ИМПЕРАТОРУ

АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ

САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССІЙСКОМУ.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Пастухъ Мантуанскій имѣлъ высокое щастіе, удостоиться снизходительнаго вниманія Августа-Миротворца. Переводчикъ Виргилія — не Виргилій; но Россійскій Августъ-Миротворецъ несравненно великодушнѣе Римскаго.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА

вѣрноподданный
Алексѣй Мерзляковъ.

НѢЧТО
ОБЪ ЭКЛОГѢ.

Эклога есть подражаніе сельскимъ нравамъ, или сельской жизни въ самой пріятной ея простотѣ. — Лица, дѣйствующія въ сей Поэмѣ суть, пастухи, земледѣльцы и пр. Мѣсто или сцена дѣйствія — поля, лѣса, горы.

Гдѣ мы теперь найдемъ пастуховъ, или пастушеское состояніе, которому бы можно было подражать, не унижая цѣли, предположенной Поэзіею? — Гдѣ этотъ золотой вѣкъ, эта золотая сторона, въ которой царствовали невинность и правда, не имѣя нужды ни въ судахъ, ни въ оборонѣ, гдѣ изобиліе не требовало поту трудолюбія, гдѣ собственность и спокойствіе неограждались стѣнами?

Пастухи могутъ быть представляемы въ трехъ состояніяхъ. — Стихотворецъ воображаетъ ихъ, или такими, какими они были во времена равенства и беспечности, украшенные простотою природы, кротостію невинности и благородною свободою; — или такими, какими они сдѣлались тогда, когда нужды и сила произвели

властителей и рабовъ, когда пріобрѣли они себѣ работы тягостныя и непріятныя, потребности низкія, понятія грубыя и жалкія; — или наконецъ такими, какими они никогда не бывали, но могли бы быть, естьли бъ сохранили долѣе свою невинность и свободу, естьли бы образуясь, не развращали себя, и, разпространяя свои познанія, не умножали нуждъ своихъ. Первое изъ сихъ состояній можно назвать вѣроятнымъ, другое дѣйствительнымъ, третіе возможнымъ.— Въ первомъ, попеченіе о стадахъ, цвѣты и плоды, прелестное зрѣлище полей, соревнованіе въ играхъ, пріятность красоты, влеченія любви простой и свободной, — вотъ все, что составляло занятіе пастуховъ! — Воображеніе живое, но робкое, чувство нѣжное, но искреннее, царствовали во всѣхъ ихъ разговорахъ и поступкахъ. — Ничего не слышите выисканнаго, остроумнаго; вездѣ Природа, — но Природа въ цвѣтѣ своей юности. — Таковы пастухи, взятые изъ сего состоянія. —

Но это состояніе показалось тѣснымъ для Поэтовъ. — Они смѣшивали съ нимъ иногда грубость дѣйствительнаго, иногда людскость и образованность возможнаго. Ѳеокритъ часто представляетъ картины грубыя, унизительныя; Біонъ, Мосхъ и нѣкоторые изъ новѣйшихъ переселили Эклогу въ города. — Ихъ пастухи часто изъясняются съ такою тонкостію, какъ Маркизы и Камергеры при Дворѣ Людовика XIV.

Скажутъ: Пастушеская Поэзія, живописуя состояніе, совершенно отъ насъ отдаленное, теряетъ свою вѣроятность и становится безполезною, незанимательною. — Это несправедливо. — Разберемъ самихъ себя, вспомнимъ, сколько часовъ въ жизни посвящаемъ мы мечтаніямъ, еще болѣе несбыточнымъ? — И можемъ ли отъ нихъ отказаться, будучи снѣдаемы горестію и заботами дѣйствительнаго своего состоянія, будучи утомлены скукою, жить посредѣ однихъ и тѣхъ же предметовъ? — Не составляютъ ли сіи мечтанія важнѣйшихъ удовольствій жизни общественной, цѣлительнаго бальзама въ печаляхъ нашихъ, небеснаго очарованія, съ которымъ только противъ воли нашей разлучаемся? — Прелестное состояніе пастуховъ не существуетъ: тѣмъ-то оно занимательнѣе, — тѣмъ прочнѣе его существованіе въ нашемъ воображеніи, тѣмъ милѣе, воспоминать объ немъ! Мечтая о золотомъ вѣкѣ, мы чувствуемъ такое же томное наслажденіе, какое посѣщаетъ насъ при воспоминаніи о миломъ другѣ или братѣ, которой давно умеръ, но въ которомъ находили мы свое щастіе. — Сколь бы далеко ни увлечены мы были вихремъ страстей и нуждъ, чувствуемъ, что простота есть что-то родное наше: на поля и на лѣса смотримъ, какъ на колыбель, въ которой покоилась невинность нашего младенчества; — въ деревнѣ отдыхаемъ отъ тяжелаго дыма городскаго, подобно бѣднымъ узникамъ, изведеннымъ изъ мрака темницъ на

свѣжій воздухъ, подобно людямъ, которые, будучи заперты въ одномъ покоѣ, выходятъ иногда въ галлерею прохладиться!

Такимъ образомъ утверждено существованіе пастушеской Поэзіи, и опредѣленъ предметъ ея. — „Она должна представлять состояніе самое щастливое, какимъ только могутъ люди наслаждаться, и какимъ они наслаждаются — въ своемъ воображеніи" — И такъ, съ одной стороны, грубость и низость должны быть удалены изъ царства Эклоги; съ другой, людскость и утонченность нравовъ пребудутъ навсегда ей чуждыми; потому что онѣ несовмѣстны со мнѣніемъ нашимъ о вѣкѣ невинности и простоты.

Скажемъ нѣсколько словъ о характерахъ дѣйствующихъ лицъ въ Эклогѣ.

Они должны соотвѣтствовать мѣсту или сценѣ, на которой дѣйствуютъ. Долины украшаются вѣчною весною; — тѣни прохладительны; воздухъ благорастворенный и чистый. — Подобно Природѣ, процвѣтаютъ ея первобытныя чада. Сердца пастуховъ добры, веселы, безпечны, кротки и просты. — Но и въ благословенныхъ странахъ Аркадіи небо покрывается облаками, тучи сгущаются, гремитъ громъ, низпадаетъ градъ разрушительной; — и пастухи имѣютъ свои печали, свои нещастія, и пастухи терпятъ. —

Но ихъ печали, но ихъ нещастія должны имѣть свою мѣру.

Ученые спорили долго о томъ, до какой степени могутъ возвышаться чувствованія пастуховъ? — въ какой степени могутъ быть они страстными? —

Ламотъ, соглашаясь, что характеры пастуховъ не должны имѣть ничего утонченнаго, образованнаго, замѣчаетъ между тѣмъ, что имъ позволено быть чувствительными, что чувствованіе видитъ часто далѣе, нежели разсудокъ, и что оно постигаетъ быстрѣе отношенія между предметами, не слѣдуя никогда шагами разсудка медленными и осторожными. Мнѣніе сіе справедливо, но должно быть ограничено. Пастухи добры, чувствительны, смышлены отъ природы; все то, что даютъ намъ искусства и науки, имъ неизвѣстно; слѣдовательно: они свѣдущи только въ тѣхъ предметахъ, которые окружаютъ ихъ, которые относятся къ ихъ потребностямъ; для нихъ они проницательны и остроумны. — Возмемъ въ примѣръ любовь. Простота сердца можетъ ли быть несовмѣстна съ нѣжностію, которая состоитъ въ тонкости чувствованія? —

Однажды, на лугу, — я видѣлъ это самъ —
Къ тебѣ моя собачка прибѣжала;
Она, — что-бы играть: ты будто не узнала,
И прогнала ее назадъ къ моимъ овцамъ;

Съ собачкой Тирсиса не такъ ты поступаешь;
Лишь только въ увидать, — и тотчасъ прикли-
каешь,
И всѣмъ отцамъ его ты знаешь имена . . . .
Нѣтъ! нѣтъ! не любишь ты меня! —

Сколько обстоятельствъ выбрано со своею нѣжностію въ сей милой укоризнѣ! — Такъ пастухи выказываютъ умъ свой въ страсти, которая особенно ихъ занимаетъ!

Rien n'est indifferent à des coeurs bien épris.

Изъ этого слѣдуетъ, что нѣжность чувствованія какъ даръ природы, совершенно свойственна Пастушеской Поэзіи.

Ламотъ говоритъ далѣе: „мы должны только перемѣнить образъ мыслей нашихъ, что бы поставить себя на мѣстѣ пастуховъ; все тоже, кромѣ сцены и костюма. Стихотворецъ не погрѣшитъ противъ правилъ Эклоги, естьли представитъ, на пр. любовь пастуховъ со всѣми ея удовольствіями, ея порывами, изступленіемъ, отчаяніемъ. — Сіи восторги свойственны равно и пастухамъ и намъ. — "

Чтобы отвѣчать на слова Ламота, мы вспомнимъ предметъ Эклоги. — Она должна представлять намъ состояніе завидное, спокойное, тихое. — Совмѣстно ли такое состояніе съ намѣреніями важными, съ порывами честолюбія и

корысти, со страстями бурными и непреодолимыми? Пастухи желаютъ щастія, но такаго, которое требуетъ менѣе труда и заботы, къ которому дойти можно путемъ кратчайшимъ. — Оно производитъ въ нихъ движеніе, но слабое, и, естьли смѣю такъ выразиться, движеніе безпечности. — Пастухи не должны быть мрачны, завистливы, неистовы, отчаянны; — сердце ихъ полно страсти, но не возмущено ею. — „Что жъ дѣлать, естьли любовь, по свойству своему, страсть пылкая и бурная?“ — За чѣмъ представлять ея гибельные порывы тамъ, куда скрываемся мы отдохнуть отъ бури и волненія? — Болѣзнь и нищета посѣщаютъ пастуховъ также, какъ и всѣхъ людей: но нѣтъ еще ни одной Эклоги, которая посвящена бы была симъ нещастіямъ. — Я тоже думаю, въ разсужденіи всѣхъ сильныхъ страстей. — Люди неистовы и преступны: для чего же искать ихъ подъ тѣнію мирныхъ вязовъ? — Для чего давать имя Эклоги сценамъ трагическимъ? Каждой родъ Стихотворства имѣетъ свою занимательность. — Я не требую, что бы пастухи всегда были щастливы и довольны; — любовь ихъ имѣетъ свои безпокойства; ихъ честолюбіе — свои заботы: — но вовсемъ должна быть мѣра. — Разлука съ милою пастушкою, или ея невѣрность, градъ, повредившій цвѣты, волкъ, похитившій любимую овечку: вотъ предметы печали и горести пастуховъ! — Нещастной горожанинъ позавидуетъ имъ въ самой сей горести! — О! какъ ща-

стливы тѣ, восклицаетъ царедворецъ, которыхъ всѣ желанія ограничиваются желаніемъ хорошаго дня! — Какъ блаженны люди, которые боятся однихъ только волковъ! — Какъ блаженны, скажетъ обладатель народовъ, какъ блаженны! — Они должны охранять однихъ только овецъ!!! —

Виргилий въ третьей своей Эклогѣ даетъ намъ примѣръ страсти, свойственной пастухамъ.

Нѣкоторые исключаютъ изъ области пастушеской Поэзіи земледѣльцовъ, косцовъ, рыболововъ, собирателей винограда, дровосѣковъ и пр. — Правда, жизнь земледѣльца трудна; но развѣ и она не представляетъ картинъ веселыхъ и пріятныхъ? — Щастіе несовмѣстно только съ работою неблагодарною и принужденною. — Обработываніе поля, надежда благословенной жатвы, собираніе хлѣба развеселяетъ лице и сердце поселянина. — Кто бывалъ на лугахъ во время сѣнокоса, тотъ видѣлъ много пріятнаго: это годовой праздникъ. Возвращеніе съ работы, игры вечернія, хороводы, пѣсни и пляска не могутъ быть чужды пастушеской Поэзіи.

Эклога, перемѣняя предметъ, перемѣняетъ и родъ. — По сю пору мы разсматривали ее, какъ изображеніе состоянія, достойнаго зависти: — но не можетъ ли она также быть картиной, возбуждающей сожалѣніе? — Признаться, этотъ родъ

мраченъ: но скорбь и пріятность не чужды другъ друга. — Есть уныніе, которое можно назвать наслажденіемъ. — Одни только грубые, отвратительные предметы должны быть изгнаны изъ сего рода сочиненій. — Геній вездѣ откроетъ богатства для Поэзіи. — Что можетъ быть скучнѣе состоянія рыбаковъ? — но Θеокритъ *) умѣлъ сдѣлать намъ пріятною самую бѣдность ихъ. — Поселяне Лафонтеневы говорятъ языкомъ природы, но сей языкъ имѣетъ всю привлекательность, всю милую простоту сельскаго Краснорѣчія.

Всякой родъ сочиненій долженъ заключать цѣль нравоучительную. — Это справедливо: Эклога чрезъ то получила бы сугубое достоинство. Но всегда ли нужно непремѣнно такое нравоученіе? — Въ баснѣ оно необходимо; потому что басня — Аллегорія: Эклога представляетъ прямо дѣйствіе намъ подобныхъ. — Не заключаетъ ли она въ себѣ одной общей истины, занимательной и полезной? — Не приближаетъ ли насъ къ жизни спокойной, тихой, невинной, которою наслаждались мы въ объятіяхъ Природы? — Не возбуждаетъ ли въ сердцѣ нашемъ отвращенія къ дѣйствительной нашей жизни, исполненной горестей, волненій и скуки? — Не останавливаетъ

*) Для любителей древности я здѣсь прилагаю въ переводѣ Идилліи Θеокрита, Біона и Мосха.

ли насЪ, — по крайней мѣрѣ на одну минуту — среди тщетныхЪ желаній, обольстительныхЪ выгодЪ, ложныхЪ потребностей? — ГеснерЪ чувствовалЪ это, и, кажется, распространилЪ предѣлы Эклоги гораздо далѣе, нежели всѣ древніе и новые Писатели. — Кто, читая сладостныя изліянія его прекраснѣйшаго сердца, не будетЪ добрѣе, нѣжнѣе вЪ своихЪ чувствованіяхЪ? —

УпомянувЪ о характерахЪ, о сценѣ, о предметѣ Эклоги, я не имѣю нужды говорить обЪ ея слогѣ. — ОнЪ долженЪ быть простЪ, нѣженЪ, пріятенЪ, сладостенЪ. ВЪ немЪ, какЪ вЪ зеркалѣ, должны отражаться милыя чувствованія пастуховЪ. — Природа — единственный предметЪ ихЪ удивленія: и такЪ картины Природы составляютЪ богатство пастушескаго слога. Пастухи живутЪ вЪ обществахЪ: ихЪ отношенія между собою различны; равно и формы Эклоги могутЪ измѣняться: она бываетЪ Драматическая, Эпическая и смѣшанная. Она можетЪ имѣть видЪ Оды, Элегіи, Эпиталамы, пѣсни и пр.

Обратимся кЪ нашему Автору.

Виргилій вЪ своихЪ ЭклогахЪ подражалЪ Ѳеокриту, но точно также, какЪ вЪ своей Поэмѣ — Гомеру; то есть, украсилЪ подражаніемЪ свои подлинники. — ОнЪ одинЪ изЪ РимлянЪ сЪ удивительнымЪ успѣхомЪ обработалЪ сей родЪ

сочиненій. — Горацій живописалъ характеръ Эклогъ его слѣдующими стихами:

- - - - - - Molle atque facetum
Virgilio annuerunt gaudentes rure Camenae.

Въ самомъ дѣлѣ ни одинъ изъ Писателей Латинскихъ не отличается такою простотою, нѣжностію и сладостію стиховъ своихъ. — Онъ рожденъ былъ украсить Эклогу всѣми прелестями природы. — Читатель сожалѣетъ только о томъ, что Виргилій невсегда ставилъ себя на мѣсто пастуховъ, но ихъ заставлялъ играть свою роль. — Повсюду видимъ мы въ немъ любимца Августова, Варіева и Полліонова, которымъ приноситъ онъ жертвы благодарнаго своего сердца. — Эклоги его почти всѣ Аллегорическія; сколько ни прелестенъ покровъ ихъ, но онъ прозраченъ, и сельскіе цвѣты теряютъ свою живость отъ дыханія лести. — Подъ тѣнію мирныхъ дубовъ раздаются стѣнанія народныхъ бѣдствій и рабства: очарованіе спокойствія, свободы, невинности изчезаетъ, и читатель противъ воли видитъ себя на стогнахъ пышнаго Рима.

Я не дерзаю мечтать объ успѣхѣ своего перевода. Всякой знаетъ, какъ трудно переводить древнихъ, и особливо Виргилія. — Занимая должность при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, я на каждомъ шагу встрѣчалъ труд

ности, происходящія отъ недостатка въ переводахъ древнихъ Классическихъ Авторовъ: по нуждѣ, долженъ былъ переводить примѣры для всѣхъ почти родовъ Поэзіи, изъ которыхъ у насъ немногіе еще обработаны. — Такимъ образомъ переложены мною сначала двѣ Эклоги Виргиліевы. Милостивое ободреніе покойнаго моего благодѣтеля, Михайла Никитича Муравьева подкрѣпило меня въ семъ трудѣ. — Ему обязаны мои Эклоги бытіемъ своимъ точно также, какъ я обязанъ ему всѣмъ своимъ щастіемъ, и даже чувствами сердечной моей привязанности къ пользамъ языка Отечественнаго. Надѣюсь, что благосклонной Читатель проститъ мнѣ слабости моего перевода изъ снисхожденія къ доброму намѣренію.

1807, Декабря.

Москва.

*

ЦИКЛОПЪ.

(Идиллїя Θеокрита.)

○ — ○○ — ○○ — || ○ — ○○ — ○

Противу терзаній любви, мой другъ, не помогутъ,
Ни травы цѣлебны врачей, ни дивныя чары;
Противу терзаній любви защита намъ Музы!
Ихъ способы вѣрны для насъ, не строги, не чужды!
Но трудно обрѣсть ихъ дары! — Ты ими владѣешь! —
Ты, Ницїасъ, врачь, и другъ Богинь Геликона!

Къ нимъ, къ нимъ притекалъ Полифемъ, Циклопъ
стародавный,
Когда онъ любовью сгаралъ къ младой Галатеѣ!
Едва на ланитахъ его брада показалась: —
Цвѣтъ юности алой угасъ, и кудри невьются!
(Отъ горести вянетъ лице и кудри невьются! —)
Все скучно, постыло ему. — Печальныя овцы
Однѣ приходили въ загонъ съ луговъ златоцвѣтныхъ;
Нещастный, склонившись на брегъ, обросшій кустами,
Лилъ горькія слезы любви къ своей Галатеѣ! —
И мраченъ и блѣденъ, и сухъ! — Ахъ, тяжко въ лѣта
младыя
Еротовы стрѣлы носить въ трепещущемъ сердцѣ!
Ахъ, тяжко любовь укрывать въ груди воспаленной!
Однако обрѣлъ Полифемъ спасительный способъ.
На мшистомъ утесѣ онъ пѣлъ, взирая на волны:

Ахъ! долго ль тебѣ презирать любовь, Галатея!
Взгляни: ты бѣлѣе млека; ты агнцевъ нѣжнѣе;
Резвѣе забавныхъ тельцовъ. . . . . но горше полыни. —
Ты всходишь на брегъ, какъ сонъ меня посѣщаетъ,

XXII

Уходишь опять, какъ сонъ меня оставляетъ.
Бѣжишь отъ меня, какъ овца отъ лютаго волка!
Съ тѣхъ поръ полюбилъ я тебя, прекрасная дѣва,
Когда приходила ты къ намъ на злачные горы, —
И мать моя вмѣстѣ съ тобой, — сбирать гіацинты....
Съ тѣхъ поръ полюбилъ я тебя, и сердца нестало!
И сонъ мой на вѣкъ убѣжалъ! .... тебѣ, что за дѣло!...
Тебѣ моя грусть — небѣда! ... любезная Нимфа,
Я знаю, откуда сіе презрѣнье и робость,
Я знаю, противно смотрѣть на бровь волосисту,
Всклокоченну, черну, кругомъ по лбу распростерту!..
Подъ нею чуть виденъ мой глазъ, единый и впалый,
Широкой и плоской мой носъ виситъ надъ губами; —
Пусть правда ... для милыхъ мой видъ не много ужасенъ! —
Но гдѣ жъ, Галатея, стада такія пасутся!
Здѣсь тысяча кравъ! — здѣсь пью млеко животворно!
И сыромъ богатъ для зимы, для осени, лѣта!
Пещера моя, — посмотрѣть! — какъ полная чаша.
Никто не сравнится со мной въ игрѣ на свирѣли!
Тебя, украшеніе горъ, тебя, радость моря,
Тебя воспѣвалъ я одинъ, исполненъ любови!
Тебѣ состѣцалъ по зарямъ, изсохщее сердце,
И поздная нощь осушить моихъ слезъ не умѣла!
Приди, Галатея, приди: готово, чѣмъ встрѣтить! —
Одиннатцать ланей пасу тебѣ знатророгихъ;
Четыре медвѣдя младыхъ вкругъ грота толкутся!
Спѣши, веселися; все есть: во всемъ изобилье!
Пусть дикіе волны, дробясь, играютъ съ брегами:
Пріятнѣе ночь провести въ пещерѣ со мною!
Въ ней лавры цвѣтутъ по стѣнамъ; предъ ней кипарисы;
И темнозеленый плющь, и вакховы лозы,
Нагнувшись надъ нею, покровъ соткали узорной!
Тамъ съ Этны лѣсистой шумятъ — утоленіе жажды —

XXIII

Сребристыя воды, утѣсъ крутой опѣняя!
Что значитъ предъ жизнью такой и море и бури!
Но естьли кажусь я тебѣ угрюмымъ и мрачнымъ, —
Что медлишь! . . . . рѣшился! вотъ дубъ, еще непогасшій,
И свѣтлой дымяся огонь, подъ пепломъ таится:
Скорѣй . . . . Галатея, скорѣй! . . . . ты сердце ужъ выжгла —
Ахъ выжги и глазъ мой, сей глазъ: мое все богатство! —
Почто не рожденъ я, увы, чешуйчатой рыбой!
Почто не могу разсѣкать я влажныя волны!
Немедля бъ, съ утѣса стремглавъ, и въ слѣдъ за тобою,
Что бъ руки твои лобызать, не смѣя другаго!
Лилеи носилъ бы тебѣ и макъ розноцвѣтный!
Но . . . . лѣтомъ лилеи ростутъ, а маки зимою!
Смотри, какъ свирѣпа любовь разсудка лишаетъ!
Забылъ, что цвѣтовъ сихъ не льзя срывать въ одно время!

Но быть такъ! узнаемъ, рѣшимся, научимся плавать!
Пусть волны извергнутъ ко мнѣ на брегъ мореходца:
Узнаемъ, что радости, жить тебѣ подъ водою!
Но прежде приди, Галатея, сюда! — приди, а пришедши,
Забудь! о забудь свой домъ, какъ я забываю!
Красавица, станемъ пасти, доить мы овечекъ,
Начнемъ очищать свой сыръ отъ вредныя влаги.
Ахъ! какъ непреклонна ко мнѣ грудь матери строгой!
Жестокая хощетъ, что бъ сынъ терзался и плакалъ,
Хоть разъ бы сказала о мнѣ привѣтливо слово!
А каждой день видитъ, что я блѣднѣю и сохну!
Пришлось и отъ матери . . . ахъ! таить свое горе!
,,Ты боленъ, мой сынъ!" — у меня болитъ грудь и руки!

Скрывъ слезы, даю ей отвѣтъ! . . . . О естьлибъ
узнала
Она, какъ болитъ любви покорное сердце! —
Ахъ, бѣдной Циклопъ! ахъ, куда дѣвался твой разумъ!
Когда ты бродилъ по горамъ, сплетая корзинки,
Когда ты сбиралъ для ягнятъ зеленыя вѣтви:
Въ то время умнѣе ты былъ! — Опомнись нещастной!
Сбери хоть овецъ! . . . что любить мечту отдаленну!
Пускай Галатея бѣжитъ: есть лучше, другія!
Вокругъ тебя резвятся здѣсь соборы красавицъ!
Готовы съ тобою играть до позднія ночи,
И сладко смѣются, когда ихъ пѣснямъ внимаешь. —
Спокойся! — есть люди! и насъ еще незабудутъ!
Такъ въ пѣсняхъ Циклопъ услаждалъ мученья любови!
Миръ, пѣсни, свобода — мои: я все презираю!

РЫБАКИ.

(Его же.)

◡ — ◡◡ — ◡ ‖ ◡ — ◡◡ — ◡◡ — ◡

Повѣрь Діафэнъ мнѣ, лишь бѣдность раждаетъ Искусства; —
Вина трудолюбья, лишь бѣдность — прямой нашъ учитель! —
Какъ скоро заботы вокругъ изголовья тѣснятся,
Тогда мы не вѣримъ пріятнымъ ласканіямъ Нѣги! —

Едва зарумянится небо зарею:
Гласъ нужды раздастся — и сонъ улетаетъ!

Два рыбаря, старцы, вкушали спокойствіе ночи
На хладной соломѣ, подъ кровомъ, изъ лозъ сплетеннымъ,
Склонившись главою на пукъ изъ вѣтвей зеленыхъ; —
Вокругъ нихъ лежали орудья ихъ жизни печальной;
Ловитва для рыбы — кошницы изъ гибкія вербы,
Садки для храненья, — обманчива плѣнника вольность,
И верши коварны, горою къ стѣнѣ взгроможденны,
Раскинуты сѣти, и неводъ еще неготовой,
И длинныя лѣсы и удочки съ пищею смертной,
И верви, и весла, и лодка, увязшая въ тинѣ.
Двѣ бѣдныя шубы, котомка съ изорванной шляпой
Висѣли на гвоздѣ: — Вотъ все ихъ наслѣдно имѣнье,
Вотъ все ихъ богатство! — ни ложокъ, ни чаши древесной,
Нѣтъ даже собаки, надежнаго стража ночнаго. —
Не знали сосѣдей: сосѣдъ ихъ единое море,

Котораго волны, ласкаясь, почти досягают
До хижины бѣдной. — Еще украшеніе мрака,
Луна не свершила пути своего половины:
Любезна работа уже возбуждает, тревожит
Покой рыболовов, — встают, — отрясают от вѣждей
Послѣдню дремоту; минута, — их глас раздается
По зыбкому брегу. — Ах! сладостно утро в работѣ! —

Один из рыбаков.

Так! нас обманули, товарищь; сказали, что ночи
Начнут сокращаться, как скоро Зевес соизволит
Нам лѣто благое послать от горняго свода.
Авроры невидно! . . . . а сколько я зрѣл сновидѣній! —
О тяжкое время! — скажи, что ночь удержало?
Скажи — я обманут. . . .

Другой.

Ты лѣту не рад мой пріятель! —
Повѣрь, времена всѣ текут постоянной стопою!
Тебя посѣщали мечты, заботой рожденны: —
Вот тайна, — спокойся! —

Первой.

Согласен с тобою, товарищь! —
Ты, знаю, умѣешь разгадывать сны непонятны. —
Я видѣл прекрасной; от друга его не сокрою!

XXVII

Мы рыбы дѣлили, раздѣлимъ съ тобой сновидѣнья! —
Ты разумъ имѣешь; а сны толковать, не пустое! —
Теперь же есть время: — и море бѣлѣетъ волнами,
И сонъ удалился. — Почто лежать намъ безмолвно
На хладной соломѣ? —

Другой.

Скажи мнѣ сонъ по порядку.

Первой.

Когда окончавши работы вечернія, сладко
Заснулъ на соломѣ (нашъ ужинъ былъ очень умѣренъ! —
Коль занятъ трудами, всегда я въ пищѣ умѣренъ!
Мы такъ ужъ привыкли), заснулъ я, и вдругъ мнѣ казалось,
Что, сидя на брегѣ, ловилъ я быструю рыбу.
Стадами металась, сребрилась она надъ водою!
За удой кидаюсь, — (на деревѣ тамо висѣла.)
Готова и пища, соблазнъ безсловесныя твари.
Послалъ . . . ожидаю . . . какъ песъ, во снѣ ловитъ зайцовъ,
Такъ рыбу мы ловимъ . . . . дрожитъ поплавокъ мой и тонетъ.
Влеку . . . . кровъ лилася . . . . погнулся отъ тяжести прутикъ. . . .
Я прутъ опускаю . . . . кипѣла вода предо мною . . .
Стремлюся руками схватить; — но естьли укуситъ? —
Что дѣлать? — отважусь . . . . укусишь — тебя поимаю!
Сраженіе съ рыбой! — весь ужасъ пропалъ въ ту минуту. —
Извлекъ! — чтожъ увидѣлъ? -- -- Ахъ! злато, чистое злато

Движется въ мягкой травѣ: я въ трепетѣ сердца
Вѣщаю, не ты ли драгой любимецъ Нептуна!
Не ты ль украшенье прелестной дщери Нерея! --
Такъ точно! — и тихо ее отдѣляю отъ уды,
Что бъ не было злато такъ долго въ подданствѣ железа! —

Простершись на брегѣ, она засыпаетъ! --
Любуясь добычей, клянусь я всѣми богами,
Оставить и море, и въ градѣ на вѣкъ поселиться,
Блистая богатствомъ и славой, какъ горды владыки! --
— Здѣсь я проснулся! товарищъ! -- клянись сказать правду. --

Другой.

Спокойся, что въ клятвѣ? -- Безъ нужды нечестіе — клятва!
Товарищъ! всѣ рыбы златыя -- обманчивой призракъ! --
Теперь ты не сонной: смотри, гдѣ играла добыча,
Тамъ нѣтъ ничего. . . . Ахъ! не слушай коварныхъ желаній! --
Мы терпимъ гладную смерть, а видимъ сны золотые! . . . .

МАЛЕНЬКОЙ ПТИЦЕЛОВЪ и АМУРЪ.

(Идиллїя Бїона.)

Ребёнокъ резвой и живой
Однажды по лѣсу за птичками гонялся,
Мечтая въ головѣ, что онъ то и герой!
Тогда откуда вдругъ нивзялся
Залетной гость, Амуръ. мелькнулъ въ его глазахъ,
И сѣлъ на дерево лишь въ нѣсколькихъ шагахъ. —
Вотъ тото славный кладъ! охотникъ нашъ мечтаетъ.
Тебѣ меня не миновать! —
Сказалъ, — и камышки сбираетъ,
И ну, въ него кидать! —
Но пташечка-Амуръ вертлява, не сдается,
Хоть какъ такъ увернется! —
Ребёнка грусть беретъ.
Повыбившись изъ силы,
Въ досадѣ, прїунылый, —
Къ сѣдому дѣдушкѣ онъ съ жалобой идетъ.
,,Помилуй дѣдушка, мнѣ съ этою шальною
,,Несправиться никакъ! — Вонъ тамъ она, — взгляни, —
,,Сидитъ подъ деревомъ, въ тѣни!
,,Я непущу ее живою! —
Старикъ взглянулъ, узналъ, — и какъ ужъ старику
Не встрѣтиться нигдѣ съ Амуромъ на вѣку! —
Дитя! онъ говорилъ, качая головою,
Не слишкомъ радуйся находкою такою!
Она ужасный врагъ, она — тиранъ людей;
Теперь ей рано быть добычею твоей:
Но придетъ череда, — ты вступишь въ новы лѣта,
Тогда сама она безъ всякаго привѣта,
Безъ камней, безъ силковъ, —
Кто бъ ни былъ ты таковъ, —
Надъ головой твоей взовьется,
И ко груди твоей прижмется! —

*

УЧЕНЬЕ.

(Его же.)

Венеру видѣлъ я во снѣ:
Бѣлоснѣжною рукою,
Нѣжна машь вела съ собою
Милу крошечку ко мнѣ.
Богъ упрямился, дичился,
Былъ неловокъ, и несмѣлъ,
Будтобы людей страшился,
И смотрѣть онъ не умѣлъ.
Пастушокъ, (Богиня - Сладость
Молвитъ съ ласковымъ лицомъ)
Вотъ мой сынъ! — вотъ наша радость:
Сдѣлай ты его пѣвцомъ!
Такъ сказала, — и нестало . . . .
Какъ мнѣ въ голову невспало,
Что Амура научить,
Пламень пламенемъ гасить!
Что же дѣлать? -- за ученье!
Ничего я не таю!
Пастуховъ увеселенье,
Панову свирель пою; --
Флейту мудрыя Паллады,
Аполлоновы отрады:
Цитру съ голосомъ пѣвцовъ,
Лиру вѣстника боговъ . . . .
Все пустое! . . . онъ не слышетъ,
И ничто на умъ нейдетъ;
Страстно, сладостно онъ дышетъ,
Про любовь одну поетъ. —
Что же сдѣлалось съ тобою?
Что съ холодною душою? . . .
Ахъ! нещастной, все забылъ,
Чѣмъ съ Амуромъ занимался,
Только съ тѣмъ однимъ остался,
Что Амуръ мнѣ натвердилъ.

*

АМУРЪ-БѢГЛЕЦЪ.

(Идиллія Мосха.)

◡ — ◡◡ — ◡◡ — || ◡ — ◡◡ — ◡

,, Амуръ мой сокрылся, бѣжалъ! ищите Амура,
Ахъ! матерней нѣжной, любви отдайте Амура!
(Такъ съ плачемъ Венера ко всѣмъ прохожимъ взывала.)
Кто видѣлъ Амура? — и гдѣ, въ лѣсахъ, иль во градѣ?
Онъ сынъ мой, единственной сынъ! — Кто скажетъ о миломъ,
Въ награду тому поцелуй сладчайшій Венеры! —
А кто приведетъ бѣглеца, — и больше получитъ! —
Примѣты хотите узнать: о много ихъ, много. —
Амура отъ всѣхъ отличишь по первому взгляду. —
Младенецъ, и бѣлъ, и румянъ, и пламенноцвѣтный;
Горящія очи блестятъ, сверкаютъ, играютъ;
Умъ быстрой, и сладки слова, исполненны лести. —
Когда же разсердится онъ, неистовъ, упоренъ, —
И, правды не ждите, хитрецъ, онъ въ шуткахъ ужасенъ!
Прекрасны власы на главѣ; пронырство во взорахъ. —
Такъ малы рученки его — но какъ онъ стрѣляетъ? —
Отъ звѣзднаго неба къ брегамъ Коцита стрѣляетъ! —
Коварный, онъ весь обнаженъ, но мысли сокрыты!
Какъ птичка, туда и сюда летаетъ и скачетъ,
Красавцовъ, красавицъ, шутя, какъ розы, мѣняетъ;
Посмотришь на лукъ — ничего; на стрѣлку — игрушка;
Но лукъ со стрѣлою Олимпъ имѣютъ во власти. —
На плечахъ Амура виситъ колчанъ златояркій;
Исполненный стрѣлъ! — Ахъ! сама я лютость ихъ знаю! —
Все страшно въ Амурѣ, все! — но много страшнѣе

Свѣтильникъ, отъ коего Фебъ, самъ Фебъ воспалялся.
Поймаешь Амура, — свяжи, не слушай моленій;
Заплачетъ малюшка, — невѣрь: стократно обманетъ!
Смѣется коварной, держи . . . . цалуетъ . . . . страшися! —
Бѣги . . . . поцелуи — бѣда; уста ядовиты!
,,Пусти меня, скажетъ, возми за выкупъ всѣ стрѣлки!"
О странникъ нещастной, страшись, даровъ сихъ касаться!
Амуръ — есть огонь: всѣ дары огнемъ напоенны! . . ."

ЭКЛОГА I.

Титиръ и Мелибей.

СОДЕРЖАНІЕ.

Пастухъ Мелибей, изгнанный изъ отеческаго достоянія, вмѣстѣ съ бѣднымъ стадомъ своимъ идетъ, для пріисканія другой пажити. — На дорогѣ встрѣчаетъ онъ Титира, который, къ его удивленію, во время всеобщихъ нещастій, наслаждался совершенною свободою и безопасностію. — Эклога имѣетъ форму драматическую; она состоитъ изъ разговора двухъ пастуховъ, расказывающихъ другъ другу о своемъ состояніи.

Мелибей.

Покояся въ тѣни, подъ зыбкимъ сводомъ ивы,
Пастухъ, сливаешь ты свирели звукъ игривый
Со гласомъ сельскихъ Музъ! — Ты веселъ, другъ. — А я
Оставилъ родину, любезныя края,
Отечества бѣгу! . . . . Подъ тѣнью безопасной,
Ты учишь пѣть лѣса о Деліи прекрасной, —
И рѣзвой гулъ вдали твердитъ ее стократъ. —

а.

Титиръ.

О Мелибей, есть богъ, 1) податель сихъ отрадъ! —
И будетъ онъ мой богъ! — Его олтарь священной,
Ягненокъ, съ матерью лишь только разлученной,
Здѣсь будетъ кровію своею омывать! —
Взгляни на свѣтлой лугъ: — къ чему другихъ искать? —
Здѣсь стадо, здѣсь пою, здѣсь съ ровными рѣзвлюся: —
Ему обязанъ всѣмъ. — —

Мелибей.

Безъ зависти дивлюся! —
Куда не обратись, — гроза во всѣхъ мѣстахъ! —
Смущаются поля! . . . . . Я самъ, при сѣдинахъ,
И дряхлъ, и слабъ, влекусь за тощими овцами;
А эту чуть веду . . . . . бѣдняшка за кустами,
Теперь лишь двухъ ягнятъ нещастно родила. —
На нихъ-то вся моя надежда и была! —
Какъ угадать бѣду! — а молніи не даромъ
На дубы древнія спускалися съ пожаромъ,
Не даромъ вѣщій вранъ далъ голосъ надо мной. . . . —
Но, Титиръ, кто сей богъ, хранитель, геній твой? —

Титиръ.

Ахъ! какъ же я былъ простъ! послушай для забавы:
Я думалъ, — городъ сей, о коемъ столько славы, —
Что Римомъ всѣ зовутъ, — похожъ на нашъ родной, 2)
Куда гоняли мы ягнятъ своихъ весной. —
Такъ равнымъ матери козленокъ мнѣ казался;
Такъ малое съ большимъ равнять я пріучался! . . .
Нѣтъ! — Римъ среди градовъ такъ высится главой,
Какъ гордый кипарисъ надъ нискою травой!

Мелибей.

Что жъ въ Римъ тебя влекло, скажи мнѣ?

Титиръ.

Что? — свобода! —
Хоть поздно, такъ какъ Фебъ, въ туманные дни года,
Свобода на меня воззрѣла наконецъ! —
Я молодъ былъ, лѣнивъ, — отъ всѣхъ трудовъ бѣглецъ;
Едва, едва мои ланиты опушались;
Воззрѣла наконецъ — и всѣ бѣды скончались!
Забытый Лилою, а Деліей любимъ,
Я началъ помышлять, какъ жить добромъ своимъ;
А прежде, признаюсь, когда владѣлъ я Лилой,
Не думалъ объ овцахъ, ни о свободѣ милой! —
Хоть часто въ городъ я водилъ своихъ ягнятъ,
Хоть сыромъ, молокомъ всегда бывалъ богатъ, —
Но пользы . . . . . 3)

Мелибей.

Такъ; — теперь открылось предо мною,
Кто былъ, о Делія, тоски твоей виною! —
По комъ, печальная, стѣнала ты, въ слезахъ,
Кому ты берегла плоды на деревахъ! . . . .
Такъ! Титиръ, ты любимъ. — Тебя, пастухъ щаст-
ливый,
И рѣки ждали здѣсь, и дубы молчаливы,
И рощи ближней гулъ всегда къ тебѣ взывалъ!

Титиръ.

Что дѣлать! — я въ цѣпяхъ неволи злой стѣналъ!
Здѣсь не было боговъ страдальцу въ утѣшенье! — 4)

Но въ Римѣ, Мелибей, — мой богъ, мое спасенье!
Но въ Римѣ видѣлъ я того, 5) кому отъ насъ
Курятся олтари въ году двѣнатцать разъ. —
Со взоромъ кротости онъ внялъ мое моленье;
Не бойся, мнѣ вѣщалъ, съ тобой твое владѣнье;
Здѣсь скотъ свой разводи, сюда гоняй стада!

Мелибей.

И такъ, твои поля съ тобою навсегда!
О щастливый пастухъ! — скажи, чего же болѣ! —
Когда луга другихъ, забыты по неволѣ,
Лишь камень кажутъ намъ, лишь терномъ поросли: —
Все вкругъ тебя цвѣтетъ! — — И вредный плодъ земли
Не будетъ пищею ягнятъ новорожденныхъ; —
Ни язва не придетъ отъ стадъ къ нимъ зараженныхъ; —
Жестокой брани кликъ не возгремитъ въ твой слухъ;
Не придетъ злобный врагъ! — О щастливый пастухъ!
На красныхъ берегахъ спокойныхъ рѣкъ, родимыхъ, —
Близъ крова милаго, въ тѣни деревъ любимыхъ,
Тамъ — радости твои! — Шагъ ступишь — и лѣсокъ! —
Здѣсь перелетной рой, спускаясь на лужокъ,
Жужжаніемъ къ тебѣ сонъ сладкій призываетъ;
Здѣсь пѣсни нѣжныя садовникъ напѣваетъ;
И голуби твои, утѣха юныхъ дней,
Воркуютъ о любви надъ хижиной твоей. —

Титиръ.

Пусть прежде робка лань, забывъ долины мирны,
Для паствы воспаритъ въ обители эфирны; — 6)

Пустъ прежде, измѣнивъ родительскимъ полямъ,
И странствуя по всѣмъ вселенныя концамъ,
Пьетъ Германъ Тигровы; а Паѳъ — Арарски воды; 7)
Пусть прежде, премѣнятъ жилище всѣ народы:
Не измѣнюсь! — Ему вся жизнь посвящена!

Мелибей.

А намъ, изгнанникамъ, — гдѣ смерть намъ суждена!
Мы, сирые, влечемъ тяжело бремя горя,
Иль въ Либію, иль въ Кипръ; пройдемъ равнины моря, —
Въ безвѣстной, новой міръ, — въ Британскіе лѣса!..... 8)
Ахъ! — естьли нѣкогда позволятъ небеса,
Еще хоть разъ одинъ увидѣть лѣсъ знакомой,
И бѣдну хижину, покрытую соломой: —
Что, что тогда найду на нивѣ я родной! —
Колосьевъ нѣсколько, подавленныхъ травой! —
Какъ! — лучшіе поля, трудовъ, раченья трата,
Должны добычей быть пришельца-супостата,
Добычей варвара и жатва и плоды?.....
О мщеніе боговъ, гражданскія вражды!
Теперь трудись, нашъ братъ, при холодѣ, при зноѣ!
Теперь-то, Мелибей, разсаживай въ покоѣ
Свой добрый виноградъ, хранимый для дѣтей!...
Ступайте козы, — вы, отрада лучшихъ дней,
Щастливый прежде скотъ! — ступайте... нѣтъ! ужъ болѣ, —
Сидя въ прохладѣ древъ, въ беспѣчности, на волѣ —
Не буду видѣть васъ, любуясь издали,
Висящихъ на краю тѣнистыя скалы!....
Прости цвѣтущій край! вы пѣсенки простите!....
Что, козы бѣдныя, что томно вы глядите? —

Нѣтъ! вы не будете уже въ глазахъ моихъ,
Ощипывать листы кусточковъ молодыхъ! . . .

Титиръ.

Постой, куда спѣшишь! — Я плачу самъ съ тобою!
Чѣмъ бѣдному помочь! — Останься здѣсь со мною! —
Всѣмъ радъ, что богъ послалъ. — Есть яблоки у насъ,
Каштаны, доброй сыръ; — теперь покою часъ! —
Смотри: уже туманъ вдали сталъ подниматься.
И тѣни, съ горъ склонясь, длиннѣе становятся.

*

Примѣчанія.

По мнѣнію древнихъ Грамматиковъ, Эклога сія принаровлена къ собственнымъ обстоятельствамъ Виргилія. — Она писана въ то время, когда, послѣ примиренія Тріумвировъ, Октавіанъ раздѣлилъ поля между своими Ветеранами. — Въ числѣ земель, назначенныхъ симъ новымъ владѣльцамъ, находилась Кремона, которая держалась стороны Брута и Кассія. — Когда оказалось, что земли Кремонскія были очень тѣсны для великого множества пришельцовъ, то къ нимъ присоединена была Мантуа. — Виргилій принадлежалъ къ жителямъ сей послѣдней. — Онъ вмѣстѣ съ прочими долженъ былъ лишиться своего владѣнія; но, по совѣту Азинія Полліона, отправившись въ Римъ, изпросилъ обратно свои земли, и жилъ въ тишинѣ и спокойствіи. — И такъ здѣсь представляется онъ въ видѣ Титира.

1) Подъ симъ разумѣется Цезарь Октавіанъ, которому Римляне, послѣ побѣды его, одержанной надъ Помпеемъ, начали воздавать божескіе почести.

2) Мантуа.

3) Въ подлинникѣ:

Quamvis multa meis exiret victima septis,
Pinguis et ingratae premeretur caseus urbi:
Nonumquam gravis aere domum mihi dextra redibat. —

4) То есть: Не было покровителей, которые могли бы доставить мнѣ свободу.

5) Октавія Августа.

6) Оборотъ обыкновеннаго заклинанія. У насъ въ простонародіи говорится: прежде рѣка Москва оборотится назадъ, нежели и пр. . . .

7) Рѣки изъ которыхъ первая составляла границу Парѳянъ, а другая, по мнѣнію Гейне, протекаетъ въ Галліи, и впадаетъ въ Рону. — Критики думаютъ, что такое знаніе о рѣкахъ отдаленныхъ не совмѣстно съ состояніемъ пастуховъ, которымъ всегда можно сказать;

Хотитель странствовать? — Забудьте гордый Нилъ,
И далѣ ближняго ручья не разлучайтесь!

8) Въ подлинникѣ:

At nos hinc alii sitientes ibimus Afros
Pars Scythiam, et rapidum Cretae veniemus Oaxem
Et penitos toto divisos orbe Britannos. —

Я въ переводѣ сократилъ это мѣсто, по причинѣ, сказанной въ предъидущемъ примѣчаніи.

9) Римляне почитали брега Лузитаніи, или Португалліи, концемъ міра.

10) Горькая Иронія, очень натуральная для Мелибея, раздраженнаго притѣсненіями новыхъ владѣльцовъ. — —

*

ЭКЛОГА II.

Алексисъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Молодой пастухъ, Алексисъ, влюбленный въ пастушку Аминту, принадлежащую одному богатому помѣщику, по имени Iолъ, жалуется на ея жестокость, описываетъ выгоды пастушей жизни и свое богатство. —

Алексисъ, пастушокъ плѣненъ Аминтой былъ;
Нещастный!.... — Самъ Iолъ красавицу любилъ.
Сюда, во мракъ дубовъ, безплодной страсти чувства
Страдалецъ приносилъ; — Здѣсь просто, безъ искусства,
Одинъ свою тоску горамъ передавалъ:

И такъ, — не для тебя я пѣсни воспѣвалъ;
Аминта! — ты объ нихъ и слышать отказалась! —.
Надежды болѣ нѣтъ! — мнѣ смерть одна осталась! —
И самой скотъ теперь пьетъ сладости прохладъ,
И змѣи сѣрыя, подъ кровомъ терна спятъ;
Раиса 2) добрая, въ часы паляща зноя,
Для усталыхъ жнецовъ, склоненныхъ въ сѣнь покоя,

И травы и плоды готовитъ на обѣдъ: —
Одинъ Алексисъ твой, одинъ, тебѣ во слѣдъ,
Подъ солнцемъ, на жару, какъ мрачна тѣнь блуждаетъ,
И скрипомъ стрекоза ему лишь отвѣчаетъ! —
Отъ Амариллы ли еще я не страдалъ? —
Отъ Хлои ль гордыя презрѣнья не видалъ? —
Пускай она смугла; — пусть ты бѣла собою;
Красавица, не льстись невѣрной красотою:
Бирючь, хоть бѣлъ, — забытъ; фіалка почтена! 3)
Не нравлюсь я? . . . Но чѣмъ? — Сперва узнай меня,
Кто я, и какъ богатъ, хозяйство какъ ведётся;
Мнѣ тысяча овецъ въ Сициліи пасётся!
И лѣтомъ, и зимой со свѣжимъ молокомъ! —
И пѣсни тѣ жъ пою, какіе, вечеркомъ,
При стадѣ Амфіонъ 4) пѣвалъ у насъ, бывало; —
Не такъ и дуренъ я: — вчера, какъ тихо стало,
И море свѣтлое покоилось во снѣ,
Смотрѣлся я въ водахъ, при блещущей лунѣ; —
Когда вода не льститъ, — тобой, тобой клянуся, —
Предъ Дафнисомъ твоимъ никакъ не постыжуся! —
Не нравится тебѣ, Аминта, мой шалашъ? —
Ахъ! не безъ радостей безвѣстный жребій нашъ!
Пріятно плесть вѣнки, приставливать подпоры,
И съ гибкою лозой гонять стада на горы! —
Мы будемъ въ пѣніи лишь Пану 5) подражать;
Панъ первый научилъ свирѣли составлять;
Панъ стадо бережетъ; Онъ богъ надъ пастухами:
Не стыдно взять свирель, любимую богами! —
Чего не дѣлалъ Фирсъ, что бы играть на ней! —
Свирелку ли тебѣ? — Неровныхъ седмь тростей
Искусно склеены древесною смолою. —
Дametъ, въ послѣдній часъ, прощаяся со мною,

Отдавъ ее, сказалъ: Владѣй, по мнѣ второй;
Сказалъ, — и глупой Фирсъ, съ тѣхъ поръ — завистникъ мой. —
Есть также парочка барашковъ; — подрастаютъ; —
Вкругъ черныя, — на лбу двѣ звѣздочки блистаютъ;
На силу ихъ поймалъ . . . . . Мнѣ овцы дважды въ день
Приносятъ молоко въ родительскую сѣнь;
Тебѣ ихъ сберегалъ . . . . а многіе просили;
Пришлось отдать; — тебѣ дары мои постылы! . . . .

Приди, красавица, на гласъ любви моей! —
Все ждетъ тебя со мной: и Нимфы сихъ полей
Кошницы, въ честь тебѣ, плодами наполняютъ; —
И бѣлогрудыя Наяды собираютъ
Фіалки для тебя, махровый макъ цвѣтной; —
Лилеи, ландыши, сливая запахъ свой,
Тюльпанъ, нарцисъ, левкой и роза молодая,
Въ прелестной пестротѣ, другъ друга украшая,
Какъ будьто по любви, другъ съ другомъ обнялись! —
Аминта! для тебя въ одинъ пучокъ свились! —
Для милой яблоки готовы золотыя,
Пушисты персики и груши наливныя;
(И Ниса говоритъ, что нѣтъ нигдѣ такихъ!)
Къ тому прибавлю сливъ: не дуренъ вкусъ и въ нихъ!
Васъ, лавры, и тебя, Венерѣ миртъ любезный! —
Все вмѣстѣ: нужды нѣтъ! — Для запаха полезны!
— — — Алексисъ! простячёкъ! — ахъ! что въ дарахъ твоихъ! —
Пускай понравятся! — Есть лучше у другихъ. —
Іолъ богатѣе! . . . . Безумецъ! чѣмъ я льстился!
Летунью - ласточку приманивать стремился

На черствой, черной хлѣбъ . . . . . . куда, бѣжишь,
куда? . . .
И боги тѣнь лѣсовъ любили иногда! —
И самъ Парисъ 6) въ лѣсахъ скрывалъ прелестну младость; —
И дщерь Юпитера, 7) забывъ Олимпа радость,
Въ Афинахъ для себя находитъ небеса: —
Всего пріятнѣй намъ тѣнистыя лѣса! —
Левъ волка стережетъ; волкъ рыщетъ за козою;
Коза игривая за мягкой муравою;
Алексисъ за тобой: у всѣхъ свои бѣды!
Смотри: волы влекутъ плугъ, поднятой съ бразды,
И солнце отходя, тѣнь влажну растилаетъ:
А мнѣ прохлады нѣтъ; меня любовь снѣдаетъ! . . . .
Гдѣ средство отъ любви? . . . Пастухъ, пастухъ
слѣпой! —
Одумайся, куда дѣвался разумъ твой!
Ступай, примись за трудъ. — Тамъ, къ липѣ, для
разсаду,
Вчера привить хотѣлъ ты лозу винограду; —
Не лучше ль что нибудь вкругъ хижины прибрать,
Подумать о житьѣ, заборы забирать! — —
Все плакать, да грустить — лишь нѣжить страсть
пустую; —
Аминтой позабытъ, — найдешь еще другую! —

*

Примѣчанія.

Знающіе Латинской языкъ, увидятъ, что я отступилъ отъ подлинника, въ отношеніи къ лицамъ, представляемымъ въ сей Эклогѣ. — Во всемъ прочемъ, я старался переводить какъ возможно ближе къ Латинскому. —

1) Въ подлинникѣ:

Formosum pastor Coridon ardebat Alexin,
Delicias Domini: nec, quid speraret, habebat.

2) Вѣроятно служанка, или кухарка, которая приготовляетъ пищу для работниковъ.

3) Alba ligustra cadunt; vaccinia nigra leguntur.

Бирючь или Бирючина, кустарникъ. — Здѣсь говорится о цвѣтахъ его; — Фіалка — извѣстный цвѣтокъ.

4) Славной пѣвецъ и музыкантъ, сынъ Юпитера и Антіопы, звукомъ своей гитары, подаренной ему отъ Меркурія, воздвигнулъ стѣны города Ѳивъ.

5) Панъ богъ пастуховъ и земледѣльцовъ, рожденный, по мнѣнію нѣкоторыхъ, отъ Меркурія. — Слово πᾶν на Греческомъ значитъ все, потому, что Панъ представлялъ въ лицѣ своемъ всю природу: — Рогами изображалъ онъ лучи солнца и рога луны; багровымъ цвѣтомъ лица — Эфиръ; — козьими ногами — твердость земли; — волосами всклокоченными — лѣса и звѣрей. — Онъ первой изъ дудочекъ тростника составилъ свирель, на которой воспѣвалъ любовь свою къ Нимфѣ Сирингѣ; — Сказываютъ, что Сирингъ превращена въ тростникъ; потому-то свирель на Греческомъ называется σύριγξ.

6) Въ Подлинникѣ: *Dardaniusque Paris*, онъ былъ сынъ Пріама и Гекубы. Гекуба за нѣсколько дней до раззрѣшенія отъ бремени, видѣла во снѣ, что она родитъ пылающій факелъ. Прорицатели возвѣстили, что младенецъ, рожденный ею причинитъ погибель всему Государству. — Пріамъ, боясь событія сего предсказанія, бросилъ своего сына въ лѣсу, гдѣ онъ найденъ и воспитанъ былъ пастухами.

7) Минерва создательница и покровительница города Афинъ.

*

ЭКЛОГА III.

Меналкъ, Даметъ, Палемонъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Даметъ и Меналкъ, два пастуха, имѣютъ состязаніе въ искусствѣ пѣнія.

Меналкъ.

Даметъ, чье стадо здѣсь? — Не Мелибея ль?...

Даметъ.

Нѣтъ.
Эгона: Онъ всегда пасти мнѣ отдаетъ. —

Меналкъ.

Овѣчки бѣдныя! — Знать, участь вамъ такая!
Когда хозяинъ самъ, Неерою пылая,
Боясь отъ ревности соперника во мнѣ,
Для стада не найдетъ минуты въ цѣломъ днѣ:
Чужой пастухъ доитъ васъ каждой день подважды! —
Зачахнулъ жалкой скотъ; ягнята мрутъ отъ жажды! —

Даметъ.

Послушай, не давай ты вольности словамъ!
Другъ! — всякой знай себя: Я видѣлъ . . . . съ кѣмъ ты самъ . . . . .
Козлы отворотясь, завистный взглядъ кидали,
И Нимфы смѣючись, между собой шептали.

Меналкъ.

Шептали? — Не тогда ль, какъ дерскою рукой
Обрѣзаны древа и виноградъ чужой
Въ саду Миконовомъ? . . . . .

Даметъ.

Нѣтъ! тамъ, подъ старымъ букомъ,
Когда . . . . . не стыдноли! . . . . плѣнясь прекраснымъ лукомъ,
Подаркомъ Дафнису, ты въ зависти рыдалъ,
И послѣ бѣдной лукъ и стрѣлы изломалъ. —
Не сдѣлавъ зла ему, ты умеръ бы съ досады! —

Меналкъ.

Гдѣ кротокъ господинъ, рабы все сдѣлать рады. —
Я видѣлъ самъ, какъ ты, негодный, трусъ, глупецъ,
Дамонова козла похитилъ отъ овецъ! — —
Лициска лаяла, металась чрезъ заборы;
Я кликнулъ Тирсиса . . . . Ловите! воры! воры!
Все тщетно! — Удалецъ мой спрятался въ кустахъ!

Дамѣтъ.

Такъ что жъ! — За чѣмъ Дамонъ, соперникъ
мой въ играхъ,
Не отдалъ мнѣ козла наградой пѣснопѣнья! —
Козелъ былъ прежде нашъ: скажу я безъ зазрѣнья;
Спроси Дамона самъ . . . . знать, скучно отдавать!

Меналкъ.

Дамонъ, соперникъ твой? — Ты можешь пѣть,
играть?
Да ты невидывалъ свирели-то глазами! —
Невѣжда! — гдѣ тебѣ! — ты жалкими стихами,
Лишь на распутіяхъ скрыпишь за стрекозой. —

Дамѣтъ.

На что терять слова! держу закладъ съ тобой!
Телицу видишь тамъ: двукратно въ день приходитъ
Къ загону съ молокомъ; — тельца младаго водитъ! —
Скажи: что можешь ты представить мнѣ въ за-
логъ?

Меналкъ.

Отъ стада ничего; представилъ бы, коль могъ! —
Есть старшіе: — отецъ и мачиха жестока,
Два раза въ день овецъ считаютъ у потока! —
Но такъ и быть! — не льзя усовѣстить глупцовъ! —
Представлю дивное, — скажу безъ лишнихъ словъ, —
Сосуды славные, изъ бука изсѣченны,
Алцемедонтовы 1) творенья возвышенны;
На нихъ изобразилъ затѣйливой рѣзецъ

Гедеру, какъ она, раскинувъ свой вѣнецъ,
Въ узлистыхъ вѣтвяхъ кустъ Вакха обнимаетъ;
Искусство посреди два образа являетъ;
Единый — Конона 2); другой . . . . . кто былъ
другой? — 3)
Онъ весь измѣрялъ міръ таинственной лозой;
Далъ время для жнецовъ, на нивахъ позлащенныхъ,
И для оратаевъ, надъ плугомъ наклоненныхъ. —
Я не пилъ самъ изъ чашъ; подъ спудомъ берегу! . . .

Даметъ.

Алцемедонтъ и мнѣ двѣ чаши далъ; — не лгу! . . . .
Ихъ рукояти вкругъ осыпаны цвѣтами,
И — шествуетъ Орфей 4) съ живыми деревами!
Я не пилъ самъ изъ чашъ; — подъ спудомъ берегу;
Но что въ нихъ? . . . . . Юница! . . . . . бѣла, какъ
бы въ снѣгу! . . .

Меналкъ.

А! — трусишь! — нѣтъ, постой: на все, на все
согласенъ! —
Что хочешь, избери: соперникъ не опасенъ! —
Вотъ къ стати Палемонъ: онъ долженъ судъ держать;
Не будешь ты впередъ словами насъ пугать! —

Даметъ.

Пускай рѣшитъ судьба; я знака ожидаю,
Люблю соперниковъ и робости не знаю.
Но, — Палемонъ, сосѣдъ! — все — на душѣ твоей!
Не маловажный споръ: будь правымъ судіей.

Палемонъ.

Начните. — Сядемъ здѣсь на муравѣ струистой. —
Смотрите, какъ блеститъ лугъ въ зелени росистой!
И поле каждое, и древо носитъ плодъ!
Все весело вокругъ! — Какой прекрасной годъ! —
Даметъ — твоя чреда! — Меналкъ, — отвѣты скоры! —
Составимъ дружный споръ: Камены 5) любятъ споры!

Даметъ.

Отъ Юпитера пѣснь! — Всемощному хвала! 6)
Земля и небеса Юпитера дѣла;
Онъ нивы богатитъ; стихи мои вѣнчаетъ.

Меналкъ.

Фебъ любитъ и меня. — Для Феба сохраняетъ
Меналковъ садъ дары, достойны божества:
Румяный гіацинтъ, и лавры торжества. —

Даметъ.

Вдругъ яблоко въ меня кидаетъ Галатея. —
Смотрю: шалунья въ лѣсъ, какъ будьто бы робѣя,
Бѣжитъ, но хочетъ знать, бѣгу ли я за ней. —

Меналкъ.

Аминта милая, тоска любви моей,
Аминта наконецъ быть гордой перестала;
Собака издали ее вчера узнала.

б..

Даметъ.

Готовъ Венерѣ даръ! — утѣшенъ я теперь!
Исполню свой обѣтъ! — искалъ весь день, — повѣрь! —
Я знаю, гдѣ гнѣздо себѣ голубки свили. — 7)

Меналкъ.

Ирисѣ молодой, — какія дома были, —
Прекрасныхъ яблоковъ десятокъ я послалъ,
И столько же пошлю . . . . бѣднякъ! — не то бы далъ! . . .

Даметъ.

Ахъ! сколько разъ со мной Аминта говорила!
И знаешь ли, объ чемъ? — когда бъ не измѣнила! . . . .
Зефиръ, перенеси слова ея къ богамъ! —

Меналкъ.

Что радости мнѣ въ томъ, что здѣшнимъ пастухамъ
Ты, Ниса, одного меня предпочитаешь?
Когда ловлю сурковъ, ты удочку кидаешь! . . .

Даметъ.

Годъ кончился! — и я въ двадцатой ужъ веснѣ! . . .
Іола, отпусти Ликориду ко мнѣ;
Придетъ пора: — тебя позвать не позабуду. —

Меналкъ.

Люблю Ликориду, любитъ всѣхъ больше буду; —
Когда пойду, — груститъ, и смотритъ въ слѣдъ за мной:
Прощай, прощай, прощай пастухъ прекрасной мой!

Даметъ.

Волкъ страшенъ для овецъ; дожди — для зрѣлой нивы; —
Опасны для плодовъ свирѣпыхъ бурь порывы:
Опасенъ для меня моей Нарциссы гнѣвъ.

Меналкъ.

Для зелени роса; — для стада тѣнь деревъ; —
Для быстрыхъ сернъ кусты и пища и отрада; —
А мнѣ — одинъ Аминтъ и щастье и награда.

Даметъ.

О Муза, не стыдись, что мы живемъ въ лѣсахъ;
Насъ любитъ Полліонъ 8) и помнитъ о стадахъ; —
Піериды, ему телицу посвятите.

Меналкъ.

Слагаетъ пѣсни самъ: — быка ему пасите,
Который, наклонясь, уставилъ гордой рогъ,
И пламенный песокъ отъ сильныхъ брыжетъ ногъ!

Даметъ.

Кто сердцемъ о тебѣ живетъ, благотворитель,
Да придетъ тотъ сюда, утѣхъ твоихъ въ обитель, —
И склады для него цвѣты и медъ дадутъ. —

Меналкъ.

Кто Мевія 9) прочелъ чудесной, тяжкой трудъ,
Тотъ, Бавій, и твои писанія читаетъ,
Тотъ зайцовъ и лисицъ ярмомъ отягощаетъ! —

Даметъ.

О дѣти, прочь отсель! — не рвите здѣсь цвѣтовъ,
Не рвите ягодъ здѣсь! — Бѣгите отъ кустовъ;
Тамъ хитрая змея подъ терномъ притаилась. —

Меналкъ.

Овечки, далѣе! . . . Земля здѣсь обвалилась;
Не вѣрьте берегу. — Баранъ мой у сосны
Еще не обсушилъ висящія волны! —

Даметъ.

О Титиръ, не пускай къ прозрачному потоку
Играющихъ овецъ. — Богъ съ вами! дайте сроку,
Я самъ обмою васъ холодною водой. —

Менальк.

Сбирайте поскорѣй овецъ своихъ домой;
Жаръ вреденъ; — молоко изсякнетъ; — жалко будетъ! —
А кто узналъ бѣду, бѣды не позабудетъ! . . .

Даметъ.

Увы! — нещастной быкъ! — какъ страшно отощалъ!
А паству тучную тебѣ я выбиралъ;
Любовь и пастуха и стадо губитъ вмѣстѣ.

Менальк.

Не знаю, что любовь, — а чуть стоятъ на мѣстѣ! . . .
Не даромъ! — есть недугъ! боюсь коварныхъ глазъ. —
Знать, кто-то посмотрѣлъ на нихъ не въ доброй часъ! —

Даметъ.

Скажи, въ какихъ земляхъ, въ которомъ Государствѣ,
Открыты небеса на локоть лишь въ пространствѣ; —
Скорѣе отгадай, — и Фебомъ будешь мнѣ. 10)

Менальк.

Скажи, въ какой землѣ, въ которой сторонѣ,
Раждаются цвѣты съ чудеснымъ начертаньемъ! —
Скорѣе отгадай: Филлида — воздаяньемъ! — 11)

Палемонъ.

Нѣтъ! — дѣло не мое, столь важной споръ рѣшить! —
И ты, — и ты залогъ достоинъ получить.
О пѣсни! — о любовь, душъ нѣжныхъ упоенье,
Щасшливаго боязнь, нещастнаго мученье! —
Но да не будетъ къ вамъ Всесильная строга! . . . .
Заприте ручейки: насытились луга. — 12)

*

Примѣчанія.

Содержаніе сей Эклоги взято изъ Теокритовыхъ Идиллій IV. и VІІ. — Такой родъ сочиненія назывался у древнихъ ἀμοιβαῖον, то есть, отвѣтной или взаимной. Одинъ изъ пѣвцовъ долженъ сказать въ отвѣтъ другому, въ такомъ же числѣ стиховъ и тою же мѣрою, что нибудь или противное, или подобное, или лучшее, нежели онъ. — При чѣмъ не требовалось, что бы всѣ задачи и отвѣты относились къ одному предмету. — Онѣ могутъ быть предлагаемы безъ всякой связи и порядка о разныхъ вещахъ, какъ мы видимъ въ предыдущей Эклогѣ. Сего роду Стихотворенія существуютъ и нынѣ между Италіянскими Импровизаторами, и весьма уважаются.

По мнѣнію нѣкоторыхъ, начало Эклоги не соотвѣтствуетъ видамъ Поэта, который долженъ избирать всегда одно пріятное и благопристойное. — Имѣя предметомъ своимъ, познакомить любителей сельской Поэзіи съ Виргиліемъ, я не осмѣлился отступить отъ него ни на одинъ шагъ.

1) Алцемедонтъ, славный рѣщикъ.

2) Кононъ, Маѳематикъ, жившій при дворѣ Птоломея Эвергета, другъ и сотрудникъ Архимедовъ. —

3) Въ подлинникѣ:

In medio duo signa, Conon: et quis fuit alter?...

Пастухъ, позабывъ имя другаго Маѳематика, самъ себя спрашиваетъ о его имя-

ни; но не могши вспомнить, старается описать его услуги земледѣльцамъ. — Вѣроятно, Виргилій здѣсь разумѣетъ или Гезіода, отъ котораго остались намъ Работы и Дни, или Арата, сочинившаго разсужденіе о движеніи свѣтилъ небесныхъ, или Архимеда.

4) Орфей, сынъ Аполлона и Калліопы, звукомъ своей лиры остановлялъ теченіе рѣкъ, укрощалъ свирѣпость звѣрей, и водилъ за собою деревья.

5) Другое названіе Музъ.

6) Изъ Теокрита: ἐκ Διὸς ἀρχόμεσθα, καὶ εἰς Δία λήγετε, Μοῦσαι; отъ Зевса начните и Зевсомъ кончите, Музы.

7) Извѣстно, что голуби посвящены были Венерѣ.

8) Полліонъ, любимецъ Августа и другъ М. Антонія, извѣстный своими Трагедіями и покровительствомъ Виргилію.

9) Въ подлинникѣ:

Qui Bavium non odit, amet tua carmina Maevi;
Atque idem jungat vulpes et mulgeat hircos.

Бавій и Мевій, два худые стихотворца, непріятели Виргилія и Горація.

10) Загадка означаетъ Колодезь, въ которомъ небо открыто столько, сколько онъ пространенъ.

11) Подъ симъ разумѣется Гіацинтъ. Овидій повѣствуетъ, что Гіацинтъ былъ молодой человѣкъ, весьма любимый Аполлономъ, и превращенный въ цвѣтокъ. По преданію древнихъ, на листочкахъ его написаны были слова: αἴ, αἴ, (увы! ахъ!) начертанныя Аполлономъ, неутѣшнымъ о потерѣ своего друга.

12. Claudite jam rivos, pueri: sat prata biberunt.

Въ Италіи наводняютъ нивы, посредствомъ ручейковъ, или каналовъ. — Какъ скоро кончился споръ, Палемонъ, оставляетъ пастуховъ, и раздаетъ приказы слугамъ своимъ, которые работаютъ на полѣ.

ЭКЛОГА ~~VI.~~ IV.

Полліонъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Эклога сія относится ко времени примиренія, бывшаго между Октавіемъ и Антоніемъ въ Брундузіи. — Народъ Римской, утомленной безпрерывными раздорами, надѣялся наконецъ наслаждаться спокойствіемъ и безопасностію. — При семъ-то случаѣ, Виргилій издалъ сіе пастушеское сочиненіе, и посвятилъ его Полліону, своему благодѣтелю, который наиболѣе споспѣшествовалъ къ заключенію союза между враждующими сторонами. — Стихотворецъ воспользовался извѣстными тогда книгами Сибиллы, въ которыхъ предсказано было о возвращеніи на землю золотаго вѣка. По словамъ его, сей щастливый вѣкъ насталъ съ рожденіемъ нѣкотораго младенца, произшедшаго отъ знаменитой крови. Сія отрасль боговъ истребитъ раздоры, воцаритъ правду и утвердитъ миръ во вселенной. — Виргилій, съ удивительнымъ искусствомъ изъявляетъ въ сей Эклогѣ радостныя свои чувствованія, и

предсказываетъ будущую славу и могущество новорожденнаго. —

Возвысимъ Музы гласъ! — Не всѣмъ равно пріятны
Кусточки мелкіе и лозы ароматны; —
Теперь дерзнемъ вступить въ безмолвный мракъ лѣсовъ:
Да обрѣтутъ лѣса отъ Консула покровъ! — 1)

Насталъ послѣдній 2) вѣкъ Кумейскихъ откровеній: — 3)
Се новый рядъ временъ! Се новый рядъ явленій! —
Астрея 4) на земли! — Сатурновъ 5) вѣкъ воскресъ,
И племя новое низводится съ небесъ! —

О мать грядущихъ въ міръ! 6) простри къ младенцу 7) руки,
Которымъ кончатся нещастныхъ смертныхъ муки,
Въ которомъ зрѣетъ цвѣтъ годины золотой! —
Храни его, блюди! — Фебъ 8) царствуетъ съ тобой! —

А ты о Полліонъ, свѣтило дней щастливыхъ,
Дерзай, сверши судебъ велѣнія правдивыхъ,
Украси наши дни сіяньемъ дѣлъ благихъ!
Отъ взора твоего изчезнетъ племя злыхъ! —
Гонимо ужасомъ, коварство міръ оставитъ; —
Младенецъ путь боговъ въ путяхъ своихъ прославитъ,
Введетъ Героевъ сонмъ въ безсмертный свой чертогъ,
Воспріиметъ жертвы самъ — благій и сильный богъ! 9) —
И міръ прапрадѣдовъ 10) добротой возвышенный,
Отдастъ ему бразды правленія священны. —

О кроткій сынъ небесъ! — Склони нѣжнѣйшу длань, —
Поля не ждутъ трудовъ, тебѣ готова дань: 11)

Гедеру блѣдную, и черныя гвоздики,
Смѣющійся акантъ, и розмарины дики! —
И кравы молокомъ чертогъ твой богатятъ; —
Неистовыя львы не будутъ страхомъ стадъ! —
И колыбель сама, твою лелѣя младость,
Произраститъ цвѣты, очей твоихъ на радость!
Погибнетъ всякъ недугъ, всѣ язвы, аспидъ злой! —
Погибнутъ! — Всякой плодъ созрѣетъ самъ собой! —

Когда же, обратясь на трудный путь героевъ,
Прочтешь дѣла отца и доблесть среди боевъ: 12)
Проглянетъ золото волнистое въ поляхъ;
Багряный Вакха плодъ повиснетъ на древахъ;
И дубы твердые увлажитъ медъ росистой; —
Но злой порокъ еще оставитъ слѣдъ нечистой;
Еще отважатся въ пучину корабли! —
Еще терзаетъ плугъ цвѣтущу грудь земли. —
Еще покой градовъ одѣянъ вкругъ стѣнами.....
Возстань другой Тифисъ! 13) — и, съ новыми вождями
Другой Аргосъ 14) смущай равнину влажныхъ водъ! —
Быть страшнымъ бранямъ, быть! — Марсъ знамя разовьетъ,
И страшный Ахиллесъ 15) трясетъ твердыни Трои!

Но ты уже герой! — престаньте грозны бои! 16)
И дерзостный пловецъ забуди Океанъ, —
И дубъ не приноси богатства чуждыхъ странъ!
Родимая земля вкусъ роскоши питаетъ;
Лугъ плуга, виноградъ серпа не ожидаетъ; —
Ярмо не тяготитъ услужливыхъ воловъ;
Руно не учится льстить призракомъ цвѣтовъ;
Но самъ собой овенъ на паствѣ утучненной
Предстанетъ, облеченъ одеждою червленной, —

И Сандиксъ 17) умаститъ резвящихся агнятъ. —
„Теки щастливый вѣкъ! — Къ намъ Парки возгласятъ,
Теки, непремѣнимъ предвѣчнаго устава!“. . . . 18)

Се! — важный часъ настал! — къ тебѣ взываетъ,
слава, —
О отрасль дивная всевидящихъ боговъ,
Цвѣщущій вѣчно родъ властителя громовъ! —
Се! — самъ собой держась, міръ подалъ мановенье:
Земля подвигнулась! — и море въ треволненье! —
И свѣтлордяна твердь раскинулась шатромъ! —
Воззри: ликуетъ все о вѣкѣ золотомъ!

О естьлибъ дней моихъ потокъ еще продлился,
И сердца нѣжный огнь льдомъ лѣтъ непогасился,
О какъ бы я воспѣлъ о доблести твоей! —
Ахъ! мнѣ бы уступилъ и Линусъ 19) и Орфей! —
Хоть матерью одинъ, другой отцомъ гордится:
И Калліопы 20) сынъ, и Феба сынъ смирится!
Самъ Панъ — хоть будетъ намъ Аркадія судьей, —
Уступитъ Панъ въ очахъ Аркадіи 21) своей! —

Обрадуй насъ, утѣшь улыбкою небесной!
Срѣтай улыбкою взоръ матери прелестной!
Заставь ее труды, болѣзни забывать!
Взглядъ первый матери — благихъ небесъ печать. —
Кому родители въ сей мигъ неосклаблялись,
Вcѣ боги отъ того со гнѣвомъ отвращались! 22)

*

Примѣчанія.

1) Сими стихами Поэтъ предувѣдомляетъ читателя, что онъ, для начатаго имъ пѣснопѣнія, избралъ предметъ возвышеннѣйшій, нежели стада и паства. — Онъ стремится воспѣть нѣчто достойное вниманія Консула Полліона, о которомъ мы уже извѣстны изъ предъидущей Эклоги.

2) Послѣдній, то есть, вѣкъ, предсказанный Сивиллою, послѣ котораго придутъ опять времена первобытныя: настанетъ прекрасный вѣкъ Сатурновъ, и родится новое поколеніе людей, жившихъ въ щастливые дни юности міра. Древніе увѣрены были въ семъ великомъ оборотѣ временъ, по совершеніи котораго, всѣ свѣтила небесныя возвращались на первыя свои мѣста и вселенная чувствовала всеобщее обновленіе — Смотр. въ Вѣстникѣ Европы, издав. Михаил. Каченовскимъ, 1806 года въ 9мъ номѣрѣ стр. 27. статью о великомъ годѣ.

3) То есть: Откровеній Сивиллы. — Симъ именемъ назывались у древнихъ женщины, которыя, по вдохновенію божества, предсказывали будущее. — Слово, Сивилла, произходитъ отъ σιος, что на Эолическомъ Діал. значило Θεὸς, Богъ, и отъ Βουλὴ, совѣтъ; слѣдовательно Сивилла означала участницу въ тайнахъ божественныхъ — Варронъ насчистываетъ до десяти таковыхъ прорицательницъ: Дельфійскую, Эритрейскую, Кумейскую, Самійскую, Куманскую, Геллеспонтскую, Либій-

в.

скую, Персидскую, Фригійскую и Тибертинскую. — Однажды Сивилла представила Тарквинію гордому десять книгъ предвѣщаній, и просила за оныя непомѣрно великую цѣну. — Когда Римской царь не хотѣлъ платить требуемаго числа денегъ, то Сивилла, бросивъ въ огонь третью часть книгъ, просила за остальные то же самое. — Но получивъ вторичной отказъ, сожгла она еще третью часть, и за другіе предлагала тоже, что и за всѣ книги. — Тарквиній, удивленный такимъ поступкомъ, принужденъ былъ купить сіи прорицанія, и сокрылъ ихъ, какъ нѣчто священное, во внутренности Капитоліи, опредѣливъ притомъ двухъ жрецовъ, которые, въ смутныя обстоятельства Республики, должны были искать въ нихъ совѣта и разрѣшенія. — Не за долго предъ Диктаторствомъ Силлы, книги сіи сгорѣли отъ пожара, случившагося въ Капитоліи. — Римляне отправили пословъ во многія Греческія города для отысканія прорицаній Сивиллы. — Собранныя восемь книгъ съ великимъ благоговѣніемъ сохранялись до временъ Стеликона, родственника Гонорія Императора, который истребилъ ихъ. Городъ Кумы находился въ Кампаніи.

4) Астрея, богиня правосудія, дщерь Юпитера и Фемиды, которая, во время золотаго вѣка, обитала на земли; родъ человѣческой наконецъ развратился до такой степени, что она принуждена была возвратиться на Олимпъ.

5) Сатурнъ, сынъ Неба и Весты, братомъ своимъ Титаномъ заключенъ былъ въ тем-

ницу. Юпитеръ освободилъ его, но вскоръ потомъ согналъ самъ на землю. — Сатурнъ пришолъ въ Италію, и поселился во владѣніяхъ Януса.

6) Въ подлинникѣ:

Casta fave Lucina: tuus jam regnat Apollo!

Люцина, богиня, присутствующая при рожденіи. Нѣкоторые подъ симъ названіемъ разумѣютъ Юнону, а другіе — Діану.

7) Кто былъ сей младенецъ, точно неизвѣстно. Ученые простирали свои догадки слишкомъ далеко. — Нѣкоторые думали даже, что Виргилій, или Сивилла говорятъ здѣсь о Христѣ Спасителѣ. — Неимѣя нужды, опровергать сію нелепость, мы предложимъ два происшествія, случившіяся въ Римѣ около того времени, къ которому относится сія Эклога. Первое: по окончаніи междоусобной брани, сестра Августова, Октавія выдана была въ замужство за Антонія. — Она была въ то время беременна отъ перваго мужа, Маркелла. — Новорожденное дитя, долженствовало укрѣпить болѣе и болѣе родственныя связи между двумя сторонами, и обѣщало Римлянамъ спокойствіе и безопасность, которой они давно уже не имѣли. — Виргилій, участвуя во всеобщихъ чувствованіяхъ народа, предсказываетъ будущую славу младенца, и называетъ его востановителемъ злашаго вѣка. Второе: за годъ до заключенія мира въ Брундузіи, самъ Октавій женился на Скрибоніи. Римляне, желая, что бы правленіе Республики осталось навсегда въ потомствѣ

Августа, какъ сильнѣйшаго между Тріумвирами, ожидали нетерпѣливо разрѣшенія отъ бремени молодой его супруги — Эклога Виргиліева можетъ относиться къ тому и другому случаю. Предоставляется читателю выбрать вѣроятнѣйшее.

8) Аполлонъ, по вдохновенію котораго, Сивилла предвозвѣстила пришествіе златаго вѣка. — Совершеніемъ сего пророчества онъ, такъ сказать, воцарился между Римлянами, — утвердилъ славу своего Оракула, свое могущество. Другіе думаютъ, что Виргилій подъ симъ разумѣетъ самаго Августа.

9) Во дни золотаго вѣка, боги обитали посреди смертныхъ. — Знаменитый младенецъ сопричисленъ будетъ къ Небожителямъ и къ древнимъ героямъ; жизнь его уподобится жизни блаженной, славной, богатой дѣлами, свойственными однимъ любимцамъ неба.

10. — Въ слѣдствіе предыдущаго примѣчанія (смотр. 7.) это будетъ относиться къ Маркелламъ, которые оказали великія услуги отечеству, или къ предкамъ Скрибоніи, супруги Августовой.

11) Виргилій описываетъ золотой вѣкъ. — Первые дары, приносимые младенцу должны быть сообразны съ его возрастомъ: цвѣты, травы, молоко и пр.

12) Предвозвѣщаемый Герой вступилъ уже въ юношескій возрастъ. — Виргилій проноситъ

ему плоды земные и лѣсные, которые родятся и зрѣютъ, безъ всякаго попеченія земледѣльца.

13) Тифисъ, кормчій корабля, названнаго Аргосъ.

14) Корабль, употребленный при славномъ походѣ въ Колхиду, для похищенія злашаго руна. — Герои, совершившіе сіе предпріятіе были: Язонъ, Касторъ, Поллуксъ, Геркулесъ, Тезей, Орфей, Зетесъ, Калаисъ и пр.

15. Ахиллесъ, сынъ Ѳетиды и Пелея, побѣдитель Гектора, славнѣйшій Герой, котораго Гомеръ воспѣваетъ въ своей Иліадѣ.

16) Предсказываемый юноша достигнулъ уже мужественнаго возраста. — Онъ истребляетъ послѣднія слѣды прошедшихъ нещастій; наступаютъ дни блаженнѣйшіе: — все родится само собою: все приходитъ въ совершенство.

17) Или краска, или трава, дающая краску пурпуроваго цвѣту.

18) Парки, дщери Ночи и Эреба. — Ихъ считаютъ три: Клото, Лахезисъ и Атропосъ. Онѣ имѣли власть надъ жизнію человѣческою.

19. Линусъ, сынъ Аполлона и Терпсихоры, славный пастухъ и музыкантъ, учитель Орфея и Геркулеса, убитый симъ послѣднимъ за то, что онъ неосторожно пошутилъ надъ его неискусствомъ въ пѣніи.

20) Калліопа, одна изъ девяти Музъ, мать Орфея.

21) Аркадія, внутренная часть Лакедемона, земля гористая, и для паствы удобная. Панъ, богъ пастуховъ любилъ сію сторону болѣе другихъ.

22) По мнѣнію древнихъ первая улыбка матери къ новорожденному служитъ щастливымъ предзнаменованіемъ. Кого родители не встрѣтятъ со взоромъ радостнымъ, чье рожденіе для нихъ непріятно, тотъ не наслѣдитъ обѣщаннаго соединенія къ безсмертными: —

Nec Deus hunc mensa, Dea nec dignata cubili est.

Кажется, Виргилій напоминаетъ судьбу Вулкана, который, родившись безобразнымъ, въ первые минуты своей жизни обратилъ на себя презрѣніе своей матери Юноны, и вскорѣ сосланъ былъ на землю; Боги не могли раздѣлять съ нимъ бесѣды и пиршествъ: Nec Deus hunc mensa и пр. — Этого мало. Минерва отвергнула любовь безобразнаго, и не хотѣла быть его супругою. Dea nec dignata cubili est. — Вотъ что значитъ любовь и благословеніе родителей!

ЭКЛОГА V.

Дафнисъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Два пастуха, Меналкъ и Фирсъ, одинъ, какъ славной пѣвецъ, другой, какъ извѣстный игрокъ на флейтѣ, подъ тѣнію переплетшихся деревъ, показываютъ свое искусство. — Послѣ того, удалившись въ ближнюю пещеру, оплакиваютъ смерть Дафниса, знаменитаго между пастухами. — Меналкъ поетъ его сопричисленіе къ богамъ. — Наконецъ пастухи даютъ другъ другу подарки, и разходятся. — Виргилій, при сочиненіи сей Эклоги, имѣлъ въ виду Iю и XIX Идиллію Теокритовы.

Меналкъ.

Что значитъ? — флейта есть; есть пѣсни, есть досугъ!
А время тратимъ такъ! . . . Скорѣй, скорѣй, мой другъ
Туда, гдѣ любитъ вязъ съ орешникомъ сплетаться.

Фирсъ.

Ты старше; долженъ я тебѣ повиноваться.
Гдѣ лучше: я готовъ; — туда ль, гдѣ вѣтерокъ
Зелену тѣнь деревъ волнуетъ, какъ потокъ; —
Иль въ ближній гротъ . . . . . смотри: насъ тамъ манитъ прохлада
Сквозь вѣтьви рѣдкія лѣснаго винограда. —

Меналкъ.

Съ тобой одинъ Аминтъ дерзалъ себя равнять.

Фирсъ.

Не чудно! — Онъ дерзнетъ и съ Ѳебомъ споръ держать! —

Меналкъ.

Ты прежде, Фирсъ, воспой Филлиды 1) воздыханья,
Иль славу Алкона, 2) иль Кодра 3) состязанья.
Начни, — а нашихъ козъ Титиръ постережетъ.

Фирсъ.

Постой, не вспомню ли? . . . . . Не вдругъ на умъ придетъ! . . .
Спою, что пѣлъ вчера, тоской обремененной,
Что ввѣрилъ я корѣ березы возвышенной.
Аминту объяви: пусть споритъ онъ со мной.

Менялкъ.

Сколь малъ предъ липою ракитникъ луговой,
Сколь низокъ слабой нардъ предъ розой горделивой,
Столь малъ передъ тобой Аминтъ честолюбивой. —

Фирсъ.

Оставимъ лесть. — Вотъ гротъ. — Возсядь,
внемли, пѣвецъ!
Здѣсь Нимфы нѣкогда оплакали конецъ
Младаго Дафниса, 4) угасшаго въ страданье. —
Вы, рѣки и древа, внимали ихъ стѣнанье! —
Здѣсь матерь нѣжная, отчаянна, въ слезахъ,
Подъемля хладный трупъ на старческихъ рукахъ,
Къ богамъ, къ судьбѣ нѣмой упреки возсылала. —
О Дафнисъ, смерть твоя все скорбью оковала:
Пастухъ свои стада забылъ вести къ струямъ;
Прохладная вода не нравится овцамъ;
И дикихъ сернъ кусты зелены неплѣняютъ;
И звѣри страшные въ густыхъ лѣсахъ стѣнаютъ;
И рощи ропщутъ тамъ, и горы говорятъ. —
Ты, Дафнисъ, покорилъ свирѣпыхъ дебри чадъ,
Львовъ, тигровъ подъ ярмо блестящей колесницы; 5)
Устроилъ шумные тимпаны и цевницы,
И Тирсомъ 6) воружилъ Вакханокъ буйный ходъ!
Честь лѣсу — виноградъ; а винограду — плодъ;
Стадамъ краса — волы; классъ — нивамъ угобженнымъ:
Ты, Дафнисъ, красота, ты слава соплеменнымъ! —
Злой рокъ тебя сразилъ, — и Палесъ 7) къ намъ
строга;
И Аполлонъ забылъ печальные луга. —
На отческихъ браздахъ, обильныхъ семенами,

Возникли куколи съ безплодными травами.
Гдѣ ландышь процвѣталъ, гдѣ лиліи росли
Тамъ терны, тамъ полынь владычество нашли! . . .
Придите, пастухи, усыплемъ лугъ вѣтьвями;
Наклонимъ хладну тѣнь надъ быстрыми ключами:
Такъ Дафнисъ завѣщалъ. — Священъ завѣтъ для насъ! —
Да изъ среды холма изыдетъ томный гласъ:
Я, Дафнисъ въ сихъ лѣсахъ прославленный молвою,
Прекрасныхъ стадъ пастухъ, прекраснѣйшій собою.

Меналкъ.

Божественный пѣвецъ, сколь сладокъ голосъ твой!
Такъ сладокъ сонъ въ тѣни; — такъ сладко, въ лѣтній зной,
Журчанье быстрыхъ водъ, съ утѣса устремленныхъ,
Для путниковъ, стезей и жаждой утомленныхъ. —
Ты пѣніемъ своимъ, не Флейтою одной
Учителю равенъ: — для насъ ты Ѳебъ другой! —
О щастливый пастухъ, позволь подъ симъ намѣтомъ,
Настроить мнѣ свирель, незнаемую свѣтомъ.
Я Дафниса стремлюсь возвысить ко звѣздамъ;
Прославлю Дафниса: онъ небылъ чуждъ и намъ!

Фирсъ.

Кто можетъ обязать меня услугой равной!
Величественъ предметъ и пѣснопѣвецъ славной! —
И Стемиконъ давно стихи твои хвалилъ.

Менялкъ.

Блистательный Олимпъ чудесный храмъ открылъ! 8)
Тамъ Дафнисъ шествуетъ, одѣянный лучами,
И видитъ облака и звѣзды подъ стопами; —
Все радостью цвѣтетъ; все блещетъ красотой:
Здѣсь Панъ, здѣсь пастухи, здѣсь Грацій ликъ младой!
Ни лютый волкъ стадамъ не страшенъ боязливымъ;
Ни хитрые ловцы оленямъ тороп ливымъ;
Коварство скрылось въ адъ: нѣтъ стрѣлъ, и нѣтъ сѣтей!
Онъ рекъ: да будетъ миръ! — и миръ надъ всей землей! —
Поля подвигнулись, и сонмы горъ священны,
И скалы хладныя, древами осѣненны,
По вдохновенію, склоня свои верхи,
Гремятъ: онъ богъ, онъ богъ!... падите пастухи! —

О будь къ намъ милосердъ! — къ тебѣ твои взываютъ,
Се мирны олтари изъ праха изникаютъ,
Два, Дафнисъ, для тебя; два богу Піеридъ:
Здѣсь, каждой годъ, тебѣ другъ вѣрный посвятитъ
Двѣ чаши со млекомъ, плодъ паствы благодатной;
Двѣ чаши съ кровію отъ вѣтви виноградной, —
И Вакховы пиры весельемъ возшумятъ. —
Зима предъ очагомъ, весна въ тѣни прохладъ
Арвизское 9) вино, какъ нектаръ, разливаютъ,
Дametъ, Эгонъ, тебѣ хваленье воспѣваютъ; —
Въ кругу пирующихъ Сатиръ Алфесибой!...
Сіе тебѣ всегда: — и въ праздникъ годовой,
Какъ мирныя поля мы съ жертвой обтекаемъ, 10)

И въ день, какъ первенцовъ мы Нимфамъ посвящаемъ!
Доколѣ будетъ вепрь скрываться въ дебряхъ скалъ,
И рыбы возмущать прозрачный водъ кристалъ,
Пчела цвѣтками жить, кузнечики росою:
Дотоль безсмертенъ ты правдивою хвалою! —
Оратай щастливый, въ огнѣ души своей,
Съ мольбою, съ жертвою къ Хранителямъ полей,
И жертвы и мольбы тебѣ да возсылаетъ, —
И божество твое невѣрныхъ покараетъ! . . . .

Фирсъ.

Возлюбленный пѣвецъ! — что, что тебѣ воздамъ? —
Не столько вѣтровъ шумъ, парящихъ по горамъ,
Не столько плескъ бреговъ, ласкаемыхъ волнами,
Ни ропотъ бѣлыхъ волнъ, дробимыхъ межъ скалами,
Не столько милы мнѣ, какъ пѣсней красота! —

Меналкъ.

Прими мой прежде даръ: свирель; — она проста.
Но я училъ на ней: чье стадо? — Мелибея? 11)
И то, что пѣлъ пастухъ, Аминтой пламѣнѣя. —

Фирсъ.

А ты прими, пастухъ, мой посохъ на обмѣнъ;
Онъ весь на равныя колена раздѣленъ,
И кольца мѣдныя вокругъ его блистаютъ;

Всѣ наши, посохъ сей за рѣдкость почитаютъ. —
Антигонъ у меня просилъ его, просилъ;
Антигонъ милъ, хорошъ, но . . . посохъ дорогъ былъ! . .

Примѣчанія.

1) То есть, любовныя страданія Филлиды. — По мнѣнію нѣкоторыхъ, здѣсь разумѣется Филлида, дочь Ликурга, Царя Фракійскаго. Она влюбилась въ Демофонта, сына Тезеева, въ то время, когда онъ возвращался изъ Трои. Будучи въ разлукѣ съ своимъ любезнымъ долѣе, нежели ожидала, и почитая себя забытою, она кончила жизнь свою насильственною смертію. — Стихотворцы говорятъ, что она превращена въ дерево, которое, въ самую ту минуту, какъ Демофонтъ къ нему прикоснулся, покрылось цвѣтами. Я думаю, что сія Филлида не могла быть извѣстна пастухамъ. — Достовѣрнѣе полагать можно, что Меналкъ воспоминаетъ о какой нибудь пастушкѣ, пострадавшей отъ любви, и извѣстной подъ именемъ Филлиды.

2) Алконъ, славной Критянинъ, отличался искусствомъ, метать стрѣлы. — Однажды страшная змея обвилась около тѣла маленькаго его сына. — Алконъ убилъ сіе чудовище, не сдѣлавъ ни малѣйшаго вреда дитяти.

3) Кодръ, пастухъ и пѣвецъ, о которомъ говоритъ Виргилій ниже въ VIIй Эклогѣ. — Ошибаются тѣ, которые относятъ сіе имя къ Кодру Царю Афинскому. — Здѣсь упоминается о состязаніяхъ Кодра въ искусствѣ пѣнія.

4) Кто былъ сей Дафнисъ, неизвѣстно. — Иные разумѣютъ подъ симъ именемъ Юлія Цезаря, убитаго въ Римскомъ Сенатѣ; другіе — пастуха Сицилія, сына Меркуріева, который первой писалъ пастушескія сочиненія въ Сициліи; — иные — сына Полліоно-

ва, умершаго преждевременно; — иные — брата Виргиліева, и пр. и пр. — Надобно думать, что это былъ одинъ изъ сопутниковъ Бахуса, предавшій пастухамъ священныя таинства сего бога.

5) Извѣстно изъ путешествій Бахуса, что онъ усмирялъ львовъ и тигровъ, которые въ тріумфѣ влекли его колесницу.

6) Тирсъ, жезлъ украшенной цвѣтами, и носимой нейстовыми жрицами Бахуса, во время торжествованія его Оргій.

7) Палесъ, богиня пастуховъ и паствы: — Подъ именемъ Аполлона здѣсь разумѣется Аполлонъ Номійской, Apollo Nomius, отъ слова νομὴ, паства; поелику Аполлонъ, сосланный съ небесъ, пасъ Адметово стадо.

8) Горы, самыя высочайшія въ Ѳессаліи; посвященныя Юпитеру. Виргилій представляетъ Дафниса божествомъ сельскимъ, и приписываетъ ему всѣ почети, богамъ принадлежащія.

9) Арвиза, городъ на островѣ Хіо, славившійся своими винами.

10) Жертвоприношеніе, совершаемое обыкновенно земледѣльцами и пастухами, при началѣ весны, для испрашиванія отъ боговъ благословенія нивамъ. Другое торжество отправлялось при начатіи жатвы, причѣмъ посвящаемы были первенцы плодовъ и растеній.

11) Такъ начинается третья Эклога Виргиліева. —

И то, что пѣлъ пастухъ и пр.

Смотри IIю Эк. Виргилія.

*

ЭКЛОГА VI.

Силенъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Эклога сія посвящена Варію, одному изъ знаменитѣйшихъ мужей Рима. — Виргилій представляетъ въ ней Силена, воспитателя и учителя Бахусова, повѣствующаго молодымъ Фавнамъ, о началѣ и устроеніи міра, сообразно системѣ Епикуровой, которая въ то время принята и любима была роскошными Римлянами. Къ тому присоединены многія пріятныя и забавныя басни изъ Миѳологіи.

Мнѣ первому судьбы благія повелѣли
Извлечь пріятный звукъ изъ сельскія свирели; — 1)
Пою, и не стыжусь безмолвія лѣсовъ! —
Я прежде прославлялъ гласъ битвы, трескъ щитовъ; 2)
Но Фебъ не возхотѣлъ: „тебѣль хвалить сраженья!
Пастухъ, паси овецъ, пой мирны наслажденья!“
И жребій мой рѣшенъ! — О Варій! 3) есть пѣвцы,
Готовые сплесть великому вѣнцы; —

Есть лиры громкія, во славу браней слезныхъ:
Меня зоветъ Любовь и Муза пѣсней нѣжныхъ!
Иду за нею въ слѣдъ . . . . такъ богъ мнѣ указалъ! —
Кто сердца для отрадъ невинныхъ не скрывалъ,
Кто любитъ добрыхъ чувствъ простыя вдохновенья:
Тотъ и въ лѣсахъ найдетъ тебѣ же пѣснопѣнья!
Долины и лѣса цвѣтутъ однимъ тобой,
И Фебъ твою хвалу почтетъ своей хвалой! —

Мы будемъ продолжать. — Хромисъ и Мназилъ, дѣти, 4)
Гуляя по лѣсамъ и ставя птичкамъ сѣти,
Силена 5) спящаго въ пещерѣ обрѣли;
Какъ прежде, онъ уснулъ, съ похмѣлья, на земли. —
Вблизи лежалъ вѣнокъ, свалившись самъ собою; —
Вдали большой бокалъ съ отбитой стороною! —
Пришли забавники. — „Удобной мести часъ! —
Ты пѣснями давно хотѣлъ потѣшить насъ,
Но все обманывалъ!" — И съ сими вдругъ словами
Опутали его цвѣтошными цѣпями. —
Аглая — 6) въ помощь къ нимъ. . . . Аглая, честь полей,
Блистаніе Наядъ, для радости дѣтей,
Уже не спящему, уже съ открытымъ окомъ,
Малюетъ лобъ, лице брусники зрѣлой сокомъ.
Онъ улыбается, не рвется, не кричитъ; —
Ну, насмотрѣлись ли? — пустите, говоритъ,
Конецъ играмъ! — внимать! — Исполню обѣщанье;
Вамъ пѣсни, а для ней — другое воздаянье! —
Возсталъ, беретъ свирель. — И Фавновъ рѣзвый хоръ,
И звѣри дикіе, забывъ вертепы горъ,
Въ восторгѣ сладостномъ вокругъ него играли,

И сосны гордыя главами помавали! —
Не такъ Царя певцовъ 7) привѣтствуетъ Парнасъ;
Не такъ Исмару 8) милъ Орфея нѣжный гласъ! —
Воспѣлъ: — Вначалѣ дней, бысть бездна, матерь міра;
Въ ней крылись сѣмена земли, морей, эфира,
И свѣтлаго огня. — Отсель, какъ цвѣтъ весной,
Міръ юный прозябалъ, развился самъ собой. —
Заматерѣла твердь, и воды отдѣлялись,
И виды всѣхъ вещей примѣтно означались.
Земля съ любовью зритъ на новый свѣтъ лучей,
На влажны облака, и внемлетъ шумъ дождей; —
Древа встаютъ; шумитъ по вѣтрамъ гулъ несомой,
И бродитъ дикій звѣрь въ дубравѣ незнакомой. —
Сатурновъ вѣкъ изчезъ, и — Пирры чудеса! 9)
Отъ камней смертныхъ родъ изводятъ небеса; —
Послѣдній мещетъ взоръ на злобныхъ чадъ Астрея, —
И вранъ Кавказкой мститъ хищенье Прометея. — 10)
Здѣсь гласъ пѣвца затихъ: смерть Гиласа 11) поетъ:
Напрасно ждутъ его; зовутъ повсюду; нѣтъ!
Въ струяхъ источника жизнь красная затмилась, —
И берегъ тронутый взываетъ: Гиласъ, Гиласъ!
Потомъ съ Пазифаей 12) льетъ слезы нашъ пѣвецъ! . . . .
Прекрасна, щастлива! . . . . но пагубный телецъ! . . . .
Царевна, добрая! — мечты тебя объяли;
Протейды 13) темной лѣсъ мычаньемъ наполняли,
Отъ мнимаго ярма скрывалися въ кустахъ,
И щупали роговъ на дѣвственныхъ челахъ! —
Но, страсть питать! къ кому? . . . . Нещастна Пазифая,
Ты бродишь по горамъ, тоской истаевая,
А онъ, склоня ребро сребристо въ мураву,
Въ тѣни, въ безпечности жуетъ свою траву! —

Иль въ стадѣ, по лугамъ, предъ позднею зарницей,
За рѣзвою бѣжитъ къ источнику телицей. . . . .
О Нимфы, ты гласишь, о Нимфы рощи сей,
Поборствуйте любви! — спѣшите поскорѣй; —
Быть можетъ, встрѣтится; — быть можетъ, я узнаю
Любезные слѣды и голосъ отгадаю; —
Быть можетъ, мягкою плѣненный муравой,
Иль стадомъ увлеченъ, онъ самъ придетъ домой!
Но сладостный пѣвецъ склоняетъ сожалѣнье
На Аталантино 14) безумно удивленье —
Зритъ скорби Геліадъ, 15) обводитъ ихъ корой, —
И изъ земли возникъ ольховый лѣсъ густой! —
О Галлѣ 16) пѣснь гремитъ. — Отъ струй Пермеса 17) милыхъ,
Его, блуждающа въ мечтаніяхъ унылыхъ,
Единая изъ Музъ ведетъ на Геликонъ. —
Явился: — встали всѣ, всталъ самой Аполлонъ,
И Линусъ, честь пѣвцовъ, безсмертными избранный,
Цвѣтами вѣчными и лаврами вѣнчанный,
Изрекъ ему: прими свирель сію. — Она
Тебѣ отъ Піеридъ въ награду суждена! —
Пѣвца Аскрійскаго 18) доселѣ достоянье, —
Сводила съ горъ дубы въ святомъ очарованьѣ; —
Дубравы Гринія 19) прославятся отъ ней, —
И Фебъ ихъ изберетъ обителью своей! . . .
Но что еще воспѣть? . . . . . Кто Сциллы, 20) кто не знаетъ?
Вкругъ бѣлыхъ стопъ ея соборъ чудовищъ лаетъ!
Протяжный слышенъ вой далеко на земли;
Трещатъ въ тревогѣ волнъ подъ пѣной корабли,
И робкіе пловцы, забытые богами,
Терзаются (увы!) неистовыми псами!

Или повѣствовать Тереевъ 21) студный жаръ, —
И яствы страшныя, нещастной дѣвы даръ,
Какъ бѣдная позоръ безмолвной сокрывала,
Надъ кровлею родной въ унынiи летала? . . . . . .
Все, все, что нѣкогда влюбленный свѣта богъ 22),
Безсмертный лавровъ Царь, передавать возмогъ
Еврота 23) свѣтлаго брегамъ благословеннымъ, —
Все пѣлъ, — и гулъ парилъ по холмамъ восхищеннымъ,
Пока овецъ своихъ пастухъ перещиталъ, —
И не хотя 24) Олимпъ на землю ночь послалъ.

Примѣчанія.

Содержаніе Эклоги, какъ выше сказано, взято изъ древнѣйшихъ Философовъ, разсуждавшихъ о началѣ міра. Сверхъ того, во времена Виргиліевы извѣстна была басня о Философіи Силена и о преніяхъ его, относительно къ природѣ и нравамъ. Стихотворецъ избралъ сіи преданія, какъ самыя удобныя для Поэзіи. Онъ, имѣя въ виду единственно удовольствіе своихъ благотворителей, умѣлъ помѣстить даже лестное привѣтствіе Галлу, своему современнику, славному по сочиненіямъ.

1) Въ подлинникѣ:

Prima Syracosio dignata est ludere versu
Nostra, nec erubuit silvas habitare, Thalia.

Виргилій первой между Римлянами началъ писать стихотворенія пастушескія, слѣдуя примѣру Теокрита.

2) Утверждаютъ, что Стихотворецъ, въ юности своей, начиналъ писать Поему Героическую, которой содержаніемъ было присоединеніе города и народа Альбанскаго къ Римлянамъ.

3) Кто сей Варій, точно не извѣстно; потому что многіе знаменитые Римляне, близкіе къ нашему Стихотворцу, назывались симъ именемъ. — Можетъ быть, это лестное посвященіе относится къ Варію, любимцу Августову, которой, будучи посланъ въ Германію съ войсками, потерялъ большую

часть оныхъ, и умеръ отъ горести. — Августъ, услышавъ сію печальную вѣсть, самъ былъ неутѣшнымъ. Въ безпамятствѣ своемъ, онъ бился объ стѣну головою, и кричалъ безпрестанно: Варій, Варій! отдай мнѣ мои легіоны!

4) Имена двухъ молодыхъ Фавновъ или Сатировъ. Игры и забавы сихъ лѣсныхъ боговъ находимъ мы на многихъ древнихъ памятникахъ.

5) Силенъ, воспитатель и учитель Бахуса, изображается всегда пьянымъ, на ослѣ. — Сатиры также принадлежали къ его свитѣ, и славились быстротою козьихъ ногъ своихъ. — Слово, Фавны, производятъ a fando, говорить; — простолюдины вѣрятъ, что можно слышать ихъ голосъ и разговаривать съ ними. Фавны и Сатиры тоже, что наши Лѣшіе.

6) Аглая одна изъ наядъ, которыя были дочери Нимфы Нееры и Солнца.

7) Аполлона.

8) Исмаръ, горы въ приморской сторонѣ Фракіи, не далеко отъ устья Гебра. Въ сихъ мѣстахъ странствовалъ Орфей.

9) Пирра, супруга Девкаліона, Царя Ѳессалійскаго, во время котораго случился потопъ. — Сія добродѣтельная чета спаслась отъ всеобщей гибели на маленькомъ кораблѣ, который при-

несъ ихъ на гору Парнассъ, не покрытую водою. Тамъ вопрошали они Оракулъ о средствахъ, возстановить родъ человѣческой. — Өемида повелѣла имъ повергать чрезъ голову свою назадъ камни, такъ какъ кости матери-земли всепитающей. — Изъ поверженныхъ Пиррою раждались женщины; изъ поверженныхъ Девкаліономъ — мущины. — Вотъ чудеса Пирры! —

10) Промеөей, сынъ Япета и Азіи, отецъ Девкаліоновъ. Онъ похитилъ съ неба огонь, посредствомъ котораго далъ жизнь человѣку, составленному изъ глины; или, по преданію другихъ, даровалъ смертнымъ искусства и науки. — Юпитеръ отмстилъ ему за сіе похищеніе. Онъ прикованъ былъ къ скалѣ Кавказа, и страшный вранъ терзалъ его внутренность, безпрестанно нарастающую.

11) Гиласъ, молодой человѣкъ, любимый Геркулесомъ, сопутствующій ему въ походѣ Аргонавскомъ. — Отлучившись съ корабля на берегъ, онъ похищенъ былъ Нимфами; простѣе: утонулъ въ источникѣ, изъ котораго хотѣлъ почерпнуть прѣсной воды.

12) Дочь солнца, супруга Миноса Царя Критскаго влюбилась въ быка. — Плодъ сей любви былъ Минотавръ, половиной человѣкъ, и половиной быкъ.

13) Протеиды, дочери Прота, Царя Аргивскаго. — Дерзнувъ сравнивать красоту свою

съ красотой Юноны, онѣ получили ужасное наказаніе. — Богиня наслала на нихъ сумасшествіе, въ которомъ бѣгали онѣ по лѣсамъ и горамъ, почитая себя превращенными въ коровъ. —

14. Аталанта, дочь Царя Сцирскаго. — Всякой, кто искалъ ея руки, долженъ былъ имѣть съ нею состязаніе въ быстротѣ бѣганія. — Побѣжденный былъ ею убиваемъ. — Она сама побѣждена была Гиппоменомъ, которой въ продолженіи бѣга бросалъ за собою золотыя яблоки изъ сада Гесперидскаго. — Любопытная Аталанта не могла удержаться, чтобъ часто не сходить съ своей колесницы и не собирать ихъ. — Такимъ образомъ яблоки, подаренные Гиппомену Венерою, доставили ему случай, приближиться прежде къ метѣ. —

15) Геліады, Фаетонтиды, сестры Фаетоновы, которые терзаясь горестію, о плачевной кончинѣ своего брата, превращены были наконецъ въ деревья.

16) Кней Корнелій Галлъ, любимецъ Октавія, возведенный имъ изъ низскаго состоянія на первую степень знатности, былъ Стихотворецъ; — большая часть его сочиненій заключаетъ нещастную любовь его къ Ликоридѣ. Смотр. X Эклогу.

17) Пермесъ, рѣка въ Беотіи, вытекающая изъ горы Геликона.

18) Подъ симъ разумѣется Гезіодъ, рожденный въ Аскрѣ, мѣстечкѣ, находящемся при подошвѣ Геликона. — Его сочиненія извѣстны.

19) Гриніумъ, городъ въ Эолидѣ, гдѣ находились храмъ и роща, посвященныя Аполлону. — Галлъ описалъ сіе мѣсто латинскими Стихами; онъ также оставилъ послѣ себя сочиненіе о началѣ Гринейскаго Оракула. — Виргилій весьма искуссно льститъ своему другу.

20) Сцилла дочь Форка, будучи любима Главкомъ, навлекла на себя ненависть Волшебницы Цирцеи, которая отмстила ей ужаснѣйшимъ образомъ. — Около коленъ ея обвивались страшныя псы, наполняющія лаемъ своимъ окрестности моря. — Она превращена въ скалу на островѣ Сициліи, недалеко отъ славнаго водоворота, называемаго Харибдой.

21) Филомела и Прогна были дочери Пандіона, Царя Афинскаго. — Терей Царь Фракійской взялъ въ супружество Прогну, и имѣлъ отъ нее сына, Итисъ. — Послѣ того учинилъ насиліе Филомелѣ, и отрѣзалъ у нее языкъ, дабы она не объявила сего злодѣянія. — Однако нещастная нашла способъ, извѣстить сестру о своемъ состояніи, написавъ нѣсколько строкъ на стрѣлѣ, пущенной изъ башни, гдѣ она была заключена. — Обѣ сестры, пылая мщеніемъ, убили Итиса, и члены его приготовивъ, поставили на столъ отцу. Когда тиранъ насытился сею адскою пищею, онѣ показали ему голову младенца. — Филомела, Прогна, и Тирей, всѣ превращены въ птицъ.

22) Аполлонъ, влюбленный въ Гіацинта.

23) Рѣка въ Лаконіи; теперь называется Базилипотамо.

24) Олимпъ, или обитатели Олимпа, восхищенные прелестію пѣнія, не хотѣли, чтобы такъ скоро настала ночь, прервавшая ихъ удовольствіе.

ЭКЛОГА VII.

Мелибей.

СОДЕРЖАНІЕ.

Эклога имѣетъ форму Драматическую. — Коридонъ и Тирсисъ, два славные пѣвца стараются превзойти другъ друга въ искусствѣ пѣнія. — Дѣйствіе происходитъ въ присутствіи Дафниса и Мелибея, который призванъ для объявленія суда соперникамъ. Мѣсто избрано самое пріятное: — Подъ тѣнію дуба, тихо колеблемаго вѣтромъ, при жужжаніи пчелъ, на берегу прекрасной рѣки — тамъ, гдѣ стада собираются на водопой. — Геснеръ весьма щастливо подражалъ сей Эклогѣ.

По случаю въ тѣни, подъ говоромъ листовъ,
Нашъ Дафнисъ взялъ покой. — Узрѣвъ его съ холмовъ,
Тирсисъ и Коридонъ стада соединили;
(Сей козъ, а тотъ овецъ съ ягнятами водили)
Аркадцы 1) родиной, цвѣтущихъ оба лѣтъ,
Пѣвцы, соперники, которымъ равныхъ нѣтъ.

Въ то время, какъ въ саду, исполненный заботы,
Я строилъ для деревъ противъ зимы оплоты,
И мирты нѣжные пенькою обвивалъ, —
Самъ стада вождь, козелъ нечаянно отсталъ, —
Что дѣлать! — бросилъ трудъ, — въ смущеньи поспѣшаю
Искать его — и вдругъ я Дафниса встрѣчаю;
Увидѣлись . . . . . . ,,скорѣй, скорѣй, кричитъ, сюда!
Спокойся, твой козелъ и живъ и безъ вреда;
Вотъ онъ! . . . . . коль время есть, склонись подъ тѣнью съ нами;
Тельцы твои придутъ къ струямъ прохладнымъ сами:
Здѣсь Минцій 2) берега травою богатитъ,
И съ дуба древняго рой сладостно шумитъ! — "
Представьте, какъ на зло, со мной нѣтъ провожатыхъ:
Кому отдать ягнятъ, отъ матери отъятыхъ? —
Но, Тирсисъ, Коридонъ! . . . . . но, слышать пѣснямъ судъ! . . . . .
О чтобы ни было; а я останусь тутъ. —
Аркадцы начали, поютъ попеременно.
Такое правило отъ Музъ постановленно.
Сначала Коридонъ, Тирсисъ давалъ отвѣтъ.

Коридонъ.

О Нимфы, о любовь моихъ блаженныхъ лѣтъ!
Внушите пѣсни мнѣ, какими отличался
Мой Кодръ; — (мой милой Кодръ чуть съ Фебомъ не равнялся!)
Но ежели . . . . свирель, подруга тишины,
Покойся на вѣтвяхъ священныя сосны! . . . . .

Тирсисъ.

Вѣнчайте пастухи Поэта молодаго,
Вѣнчайте лаврами къ досадѣ Кодра злаго,
Да чувства зависти грудь гордую тѣснятъ!
Но естьли онъ польститъ . . . . хвала завистныхъ ядъ! . . .
Вѣнчайте пастуха волшебною гвоздикой. — 3)

Коридонъ.

О Делія! 4) Миконъ, ловецъ пустыни дикой,
Главу козла повергъ брадату предъ тобой,
И лани старой рогъ, извившійся дугой! —
Сверши мою мольбу, и образъ твой священный
Возблещетъ въ мраморѣ, въ котурны обувенный! —

Тирсисъ.

Пріапъ! — досель тебѣ давалъ я каждой годъ
Лишь хлѣбъ и молоко: — мой пустъ былъ огородъ.
Теперь онъ лучше сталъ: ты въ мраморъ облачился;
Ахъ! естьлибъ я скотомъ еще обогатился! . . . .
Сверши мою мольбу: ты будешь золотой. —

Коридонъ.

Аминта! — долго ли мнѣ мучиться тоской? —
Ты слаще мнѣ сотовъ; ты лебедей бѣлѣе;
Ты розы молодой румянѣе, нѣжнѣе;
Когда моихъ быковъ къ загону приведу;
Когда я милой милъ: я тамъ тебя найду! . . . .

Тирсисъ.

А я тебѣ кажусь полыни горькой злѣе,
Страшнѣй терновника, и поростовъ беднѣе,
Которые волной выносятся изъ водъ! —
Для любящихъ и день, какъ будьто цѣлой годъ! —
Ну, овцы ко двору! еще ли вы несыты! —

Коридонъ.

Ключи прозрачные, кустарникомъ прикрыты,
И мягка мурава, душисто ложе сновъ,
И лозы гибкіе, тѣнистый птицъ покровъ,
Храните отдыхъ стадъ! разлился воздухъ знойной.
Уже наполнились побѣги пальмы стройной!

Тирсисъ.

Здѣсь есть очагъ, огонь и ноша пылкихъ дровъ;
Чернѣетъ хижина отъ дымныхъ облаковъ.
Не страшенъ намъ борей, сѣдой предвѣстникъ хлада,
Какъ волку жадному не страшны крики стада,
Какъ буйственной рѣкѣ не страшны берега!

Коридонъ.

Здѣсь скачутъ весело тельцы, поднявъ рога;
Древа кудрявыми главами помаваютъ;
Въ тѣни лежатъ плоды и взоры привлекаютъ;
Все въ радости, цвѣтетъ; — но естьли Нисы нѣтъ,
Все мертво: — самой ключь какъ будто нетечетъ.

Тирсисъ.

Зной дышетъ на поляхъ, и травка погибаетъ,
Цвѣтокъ поблекъ, унылъ, головку преклоняетъ;

Семелинъ сынъ съ холмовъ похитилъ виноградъ: 5)
Филлида возвратись, — и горы возблестятъ, —
И снидетъ Юпитеръ въ росѣ полямъ отрадной! — 6)

Коридонъ.

Тополь Алкиду милъ, гроздъ Вакху виноградной,
Венерѣ нѣжный миртъ, а Фебу лавръ прямой;
Аминта любитъ тѣнь орѣшины густой;
Когда тѣнь, зыблясь, любезную покоитъ:
Ни миртъ, ни лавръ моей орѣшины нестоитъ! —

Тирсисъ.

Красива ель въ лѣсу, высокой дубъ въ садахъ,
Тополи при рѣкѣ, а липы на горахъ;
О Лицидъ, естьли ты обѣта не забудешь,
О другъ мой, естьли ты всегда мнѣ вѣрнымъ будешь:
Тебѣ уступитъ дубъ и ель среди лѣсовъ.

Мелибей.

Вотъ пѣсни спорныя двухъ юныхъ пастуховъ.
Но Тирсисъ побѣжденъ питомцомъ Аполлона;
Съ тѣхъ поръ, съ тѣхъ поръ люблю младаго Коридона.

*

Примѣчанія.

1) Аркадцы особливо славились искусствомъ своимъ въ музыкѣ. — Здѣсь Виргилій говоритъ о Мантуанцахъ, происшедшихъ отъ Аркадянъ. — Сцена Эклоги въ Галліи Чизальпинской.

2) Рѣка въ Галліи, нынѣ называется Мензо; выходитъ изъ озера Бенако, и впадаетъ въ Падую.

3) Излишнюю похвалу почитаютъ вредною для того, кого хвалятъ. — Между простымъ народомъ извѣстны выраженія: онъ сглазилъ, онъ имѣетъ дурной глазъ. — Гвоздика употреблялась въ такомъ случаѣ, какъ предохранительное средство.

4) Діана, богиня ловли. — Смыслъ такой: Миконъ, ловецъ, покровительствуемый тобою, посвятилъ тебѣ такіе-то дары; — Естьли ты исполнишь мои моленія, — посвящу тебѣ важнѣйшіе.

5) То есть, Бахусъ лишилъ своего покровительства сады виноградные: древа посохли, и неприносятъ плода своего.

6) Юпитеръ — эмблема воздуха. — Древніе Физики разумѣли подъ нимъ воздухъ верхній или эфиръ; а въ образѣ Юноны, воздухъ нижній, или атмосферу. — Виргилій говоритъ здѣсь въ томъ же смыслѣ.

ЭКЛОГА VIII.

ФАРМАЦЕВТРІЯ

или

Волхвованіе.

СОДЕРЖАНІЕ.

Эклога состоитъ изъ двухъ частей. Первая взята изъ третьей, а другая изъ второй Идилліи Теокритовой. — Въ первой, молодой пастухъ жалуется на невѣрность своей невѣсты, которая отдала свое сердце и руку другому пастуху, Фирсу. — Во второй любовница, искусная въ волхвованіи, посредствомъ таинственныхъ силъ чародѣйства, старается воспламенить любовь въ Дафнисѣ, и заставить его къ себѣ возвратиться. — Первую часть Эклоги поетъ Дамонъ, а другую Алфесибей. — Сіе стихотвореніе посвящено Полліону.

Пою Дамона пѣснь и пѣснь Алфесибея, — 1)
Творенья дивныя, отъ коихъ, цѣпѣнѣя,

Д..

Стада недвижимы, стоятъ надъ муравой;
И рыси зоркія забыли страшной бой;
И рѣки, внѣ бреговъ, свой ищутъ слѣдъ, робѣя . . . . .
Пою Дамона пѣснь и пѣснь Алфесибея! —

О ты, которому раждаетъ лавръ побѣдъ
Тимава 2) грознаго утѣсистый хребетъ, —
Предъ кѣмъ Иллиріи 3) отверзлися предѣлы, —
Прими, о Полліонъ, труды мои незрѣлы! —
Придетъ ли часъ ко мнѣ, восторговъ полный часъ,
Въ которой о тебѣ прославится мой гласъ!
Когда представлю я вниманію вселенны
Твои творенія 4), которыми плѣненный,
Софоклъ 5), Софоклъ съ тобой раздѣлитъ свой вѣнецъ!
Ты славы моея начало и конецъ! —
Прими Камены плодъ, воспитанный тобою! —
Позволь, чтобъ скромной плющь 6), безвѣстный самъ собою,
Сплетаясь съ лаврами рушителя градовъ, — 7)
Склонилъ къ моимъ стихамъ и смертныхъ и боговъ.

Уже угрюма ночь, въ призраки облеченна,
Спѣшила за моря. — Въ безмолвіи вселенна;
Въ росистой зелени стада объемлетъ сонъ. —
Къ оливѣ преклонясь, такъ началъ пѣть Дамонъ.

Возстани свѣта вождь 8), и день веди съ собою,
Въ послѣдній, можетъ быть, привѣтствуемый мною! —
Любовью ложною невѣрныя плѣненъ,
Напрасно вопію къ отмстителямъ измѣнъ! —
Свидѣтели измѣнъ, мнѣ боги невнимали! —
О хладны зрители страданія, печали,

Хотя пошлите вы спокойной смерти часъ. —
Меналъ 9), внемли Меналъ, свирели томной гласъ!

Меналъ уста отверзъ; мнѣ рощи отвѣчаютъ,
Вздыханія любви въ лѣсахъ неумираютъ,
Здѣсь Панова свирель стонала въ первой разъ! . . . . .
Меналъ, внемли Меналъ, свирели томной гласъ!

Такъ! Лила не моя! — Фирсъ, щастливъ! . . . все не ложно! . . . .
Слѣпой, чему дивлюсь! — что въ свѣтѣ невозможно! . . .
Быть можетъ, сопряжетъ со львами ланей страсть;
И серна, можетъ быть, забывъ свою напасть,
Съ волками испіетъ струи ручья прозрачны! —
Возжги свѣтильникъ 10), Фирсъ! — цвѣты разсыпли брачны! —
Ведутъ любезную, — и ночь покрыла васъ! . . . . .
Меналъ, внемли Меналъ, свирели томной гласъ!

Супруга нѣжная супруга молодова! — 11)
Отколь такая спѣсь? и мнѣ уже ни слова!
Тебѣ не нравится свирель моя, стада,
И брови черныя и длинная брада! —
Клятвопреступница! — ты на Небо взираешь, —
Ты къ Матери-Землѣ припадаешь, и чаешь,
Что нѣтъ заступника, — что нѣтъ судей для насъ! —
Меналъ, внемли Меналъ, свирели томной гласъ!

Я помню, нѣкогда . . . день вѣчно незабвенной! . . .
Ты, — милое дитя, — здѣсь, съ матерью почтенной,
Сбирала медъ у насъ, медъ сладкой по садамъ:
Я былъ для васъ вождемъ; я лазилъ по древамъ;
Тогда мнѣ минуло двѣнадцать лѣтъ, неболѣ;
Я могъ уже поднять сухія вѣтьви въ полѣ. —
Увидѣть, полюбить, погибнуть . . . . страшной часъ! . . .
Внемли Меналъ, внемли свирели томной гласъ!

Теперь узналъ любовь! — нѣтъ, это чадо злое
Не племени небесъ; въ немъ сердце не такое!
Кремнистою скалой, въ часъ гнѣва, рождено,
Въ утѣсахъ Исмара, во льдахъ воспоено!
Родопа хладная и Гарамантъ далекій, 12)
Сокройте мрачное чудовище на вѣки! —
Избавьте отъ любви, или . . . . отъ жизни насъ! . . .
Меналъ, внемли Меналъ, свирели томной гласъ!

Жестокая любовь кинжалы изострила,
И матерь 13) кровью чадъ десницу обагрила.
Неумолимая, льетъ собственную кровь!
Кто болѣе жестокъ, иль мать или любовь? —
Погибельна любовь въ порывахъ изступленья! —
Равно свирѣпа мать съ кинжаломъ адскимъ мщенья! —
Постой! . . . кого разишь? — объемлетъ чувства мразъ! . . . .
Меналъ, внемли Меналъ, свирели томной гласъ!

Чего не можетъ быть? — и стаи тигровъ злыя
Отъ серны убѣгутъ; — и яблоки златыя

Украсятъ древній дубъ; — и вязъ среди лѣсовъ,
Чудясь, узритъ себя въ блистаніи цвѣтовъ! —
Тростникъ прольетъ янтарь; и съ лебедями 14) совы
Начнутъ о пѣсняхъ споръ, и Титиръ будетъ новый
Для моря Аріонъ, 15) другой Орфей для насъ.......
Меналъ, внемли Меналъ, свирели томной
гласъ!

Все будетъ жертвою свирѣпыя пучины. —
Простите дерева! — съ крѣмнистыя вершины
Стремглавъ, стремглавъ во адъ! — Прости въ послѣдній
разъ!
Престань, престань стонать свирели томной гласъ!

* * *

Скончалъ! — теперь стихи Алфесибея славны!....
Пусть Музы ихъ поютъ! — Не всѣ мы въ силахъ
равны.... 16)

Приближь ко мнѣ сосудъ съ прозрачною водой, 17)
И препояшь олтарь повяскою льняной,
Да взыдутъ облака сѣдыхъ благоуханій,
Да сила тайныхъ травъ, чудесныхъ обаяній
Супруга моего любовь воспламенитъ!....
Готово все! — Теперь пусть гласъ мой возгремитъ!
Неситесь дивныя, неситесь пѣснопѣнья,
Отдайте вы любви предметъ ея мученья!

Не въ пѣсняхъ ли сокрытъ волшебный даръ чудесъ? —
Всемощный пѣсни гласъ луну сводилъ съ небесъ!
Въ устахъ Цирцеиныхъ по рощамъ раздавался, —
И спутникъ мудраго Улисса измѣнялся! — 18)

И змей, скрутясь въ клубъ, пуская гнѣвный свистъ,
При пѣсняхъ изсыхалъ, какъ блѣдный въ полѣ листъ. —
Неситесь дивные, неситесь пѣснопѣнья,
Отдайте вы любви предметъ ея мученья!

Здѣсь образъ Дафниса поставь передо мной!.....
Ахъ! можно ль измѣнять съ такою красотой! —
Къ великимъ таинствамъ, Ириса, приступаемъ,
Троякимъ лентiемъ чело его вѣнчаемъ;
Трекратно обойдемъ мы жертвенникъ кругомъ:
Неровное число 19) любимо божествомъ. — 20)
Неситесь дивные, неситесь пѣснопѣнья,
Отдайте вы любви предметъ ея мученья!

Три цвѣта разные для трехъ пучковъ сорви, 21)
Свяжи и возглашай: сплетаю цѣпь любви! —
Неситесь дивные, неситесь пѣснопѣнья,
Отдайте вы любви предметъ ея мученья!

Какъ глина сохнетъ здѣсь; какъ таетъ воскъ въ огнѣ, 22)
Такъ Дафнисъ пусть горитъ любовiю ко мнѣ;
Осыпли жертвенникъ священною мукою,
И въ лаврахъ возбуди трескучiй огнь смолою!...
Жестокой! пламенемъ ты грудь мою томишь:
Сей лавръ противъ тебя: — судьбы неизбѣжишь....
Неситесь дивныя, неситесь пѣснопѣнья,
Отдайте вы любви предметъ ея мученья!

Какъ страстiю томясь, телица въ лѣтнiй зной,
Супруга своего невидя предъ собой,
И горы и луга пространны пробѣгаетъ,
На жоскомъ берегу безъ силы упадаетъ; —

И поздня ночь ее въ пустынѣ застаетъ!
Такъ Дафнисъ ты страдай! — страдай! — мнѣ нужды нѣтъ. —
Неситесь дивные, неситесь пѣснопѣнья,
Отдайте вы любви предметъ ея мученья! —

Невѣрной нѣкогда, разлуки часъ кленя,
Сіи одежды самъ оставилъ у меня!
Залоги нѣжностей и щастія любезны, —
Теперь свидѣтели страданій безполезны,
Подъ прагомъ дома, здѣсь, землѣ васъ предаю; —
Невольно притечетъ, одежду взять свою! 23)
Неситесь дивныя, неситесь пѣснопѣнья,
Отдайте вы любви предметъ ея мученья!

Вотъ страшны зелія; — Вотъ здѣсь Понтійской ядъ; —
Мнѣ Мерисъ самъ вручилъ: Понтъ 24) ядами богатъ!
Я видѣла сама, какъ Мерисъ превращался
Во образы звѣрей, и по лѣсамъ скитался!
Какъ тѣни изъ гробницъ холодныхъ вызывалъ,
И нивы богатилъ, и плодъ ихъ отнималъ! —
Неситесь дивныя, неситесь пѣснопѣнья,
Отдайте вы любви предметъ ея мученья!

Иди, неси въ потокъ сей пепелъ съ олтаря,
Да не узритъ его багряная заря!
Повергни чрезъ главу, очей не обращая! . . . . .
Жестокой! — будешь ли, — весь Тартаръ презирая, —
Сильнѣе страшнаго волшебства моего? . . . . .
Увы! . . . . гдѣ нѣтъ любви — волшебство ничего!
Неситесь дивныя, неситесь пѣснопѣнья,
Отдайте вы любви предметъ ея мученья!

Но се! — что вижу я? — согрѣлся пепелъ самъ; —
Дрожащимъ пламенемъ течетъ по олтарямъ! —
Геката, умились! . . . . . хладъ сердце обнимаетъ!
Что значитъ? — слышишь ли? собака наша лаетъ!
Идутъ . . . . . ужели? . . . . Ахъ! — кто любитъ,
кто любилъ,
Тотъ самъ себѣ мечты изъ ничего творилъ; — — — —
Престаньте дивныя, престаньте пѣсно-
пѣнья,
Любови возвращенъ предметъ ея му-
ченья! . . . . . 25)

*

Примѣчанія.

Слово, Фармацевтрія произходитъ отъ *Φάρμακον*, что значитъ иногда ядъ, а иногда лекарство отъ яду. — Мы перевели его словомъ: Волхвованіе. — Изъ Эклоги видно, что сіе названіе относится только ко второй ея части, которую воспѣваетъ Алфесибей.

1) Виргилій представляетъ, что онъ научился симъ чудотворящимъ пѣснямъ у Дамона и Алфесибея, и теперь повторяетъ ихъ, въ присутствіи своего Полліона.

2) Тимавъ, рѣка въ Адріи, въ нынѣшнемъ Фріулѣ. Она вырывается изъ подошвы горы девятью источниками, которые въ скоромъ времени, между горами и утѣсами, соединяются вмѣстѣ, и составляя одну широкую рѣку, впадаютъ въ море. — Отсюда:

Magni saxa Timavi,

Тимава грознаго утѣсистый хребетъ.

3) Подъ симъ разумѣется древняя Иллирія, страна обширная, противоположная Италіи, отдѣляемая отъ ней заливомъ Адріатическимъ. — Она раздѣлялась на двѣ части: Либурнію и Далмацію. — Нынѣ называется вообще Есклавоніею. — Полліонъ, въ сіе время, предводительствовалъ войскомъ, въ Иллиріи находящимся, которое цѣлію своей имѣло завоеваніе народа Партинскаго, обитающаго на границахъ Македоніи. — Онъ долженъ былъ проходить сухимъ путемъ черезъ Истрію, или водою чрезъ Адріатическое море.

4) Азиній Полліонъ сочинялъ Трагедіи, какъ мы видѣли прежде въ III Эклогѣ.

5) Первый изъ всѣхъ древнихъ трагиковъ, — написалъ около 120 трагедій; онъ возвысилъ Афинской театръ до возможной степени совершенства, и умеръ отъ чрезвычайной радости, которую возбудилъ въ немъ неожиданно-хорошій пріемъ его послѣдняго творенія.

6) Плющь или гедера составляла награду Стихотворцовъ; Герои украшались лавромъ.

7) Относится къ Тріумфу Полліона, послѣ побѣды надъ Партинцами.

8) Люциферъ, предшествующій дню. — Нещастной любовникъ не спалъ цѣлую ночь.

9) Меналъ, гора въ Аркадіи, посвященная Пану. —

10) Свѣтильники возжигались обыкновенно на дорогѣ, по которой ведутъ невѣсту ночью въ домъ жениха. — При семъ случаѣ молодой супругъ розсыпалъ также орехи для дѣтей, играющихъ вокругъ него.

11) Сказано съ презрительною насмѣшкою и негодованіемъ.

12) Объ Исмарѣ, смот. Эклогу VI. — Родопе гора во Фракіи, покрытая снѣгомъ на берегу моря Эвксинскаго. — Изъ нее вытекаетъ Гебръ.

Гарамантъ, страна во внутренности Либіи, гдѣ обитаютъ дикіе народы, не знающіе порядка и устройства общественной жизни.

13) Виргилій говоритъ о Медеѣ, дочери Аета, Царя Колхидскаго. — Она доставила способъ Язону, начальнику Аргонавтовъ, похитить золотое руно, и вмѣстѣ съ нимъ удалилась изъ владѣній отца своего. — Язонъ, измѣнилъ ей, влюбившись въ Креузу, дочь Царя Коринѳскаго. — Раздраженная супруга истребила волшебнымъ огнемъ Креузу и Креона; въ неистовствѣ мщенія, подняла руки на собственныхъ дѣтей своихъ, и заколола ихъ въ присутствіи самаго Язона.

14) Лебеди поютъ только для Стихотворцовъ: — въ самомъ дѣлѣ, они безмолвны и нѣмы въ продолженіи жизни, и въ минуту смерти. — Неизвѣстно, откуда Греки и Римляне взяли басню о пѣніи лебедей. — Назіанзинъ въ 34. словѣ, подъ пѣніемъ ихъ разумѣетъ звукъ, происходящій отъ трепетанія крыльевъ, когда касается къ нимъ легкій вѣтерокъ. —

15) Славный Стихотворецъ и музыкантъ, родившійся на островѣ Лесбосѣ. Когда посредствомъ искусства своего, собравъ великія богатства въ Италіи, онъ возвращался въ Коринѳъ къ Періандру, тогда мореплаватели, подстрекаемые корыстолюбіемъ, бросили его въ море. — Но Аріонъ не могъ погибнуть. — Делфинъ, обвороженный пѣніемъ любимца Музъ, предложилъ ему хребетъ свой, и приплылъ съ нимъ невредимо въ Лаконію.

16) Пѣсни Алфесибея, какъ превосходнѣйшія, Виргилій относитъ къ Музамъ, чувствуя слабость свою.

17) Начинаются приготовленія къ Волхвованію. Нещастная любовница обращаетъ рѣчь свою къ служанкѣ Ирисѣ, которая помогаетъ ей въ семъ таинственномъ дѣйствіи.

18) Извѣстно, что Цирцея превратила неосторожныхъ спутниковъ Улиссовыхъ въ звѣрей и скотовъ.

19) Нечетка. — Пиѳагорейцы приписывали такимъ числамъ таинственную силу. — Третіе число почиталось важнѣе другихъ; въ немъ заключалось начало, средина и конецъ; чрезъ него означаемо было всемогущество боговъ небесныхъ и подземныхъ: — тройный Перунъ Юпитера, трезубецъ Нептуна, трeглавый песъ Плутона; три Фуріи, три Парки; Аполлонъ въ видѣ трехъ лицъ: Феба, солнца и Бахуса; — Діана, въ видѣ Діаны на земли, Луны на небесахъ, Гекаты въ аду и пр.

20) Подъ симъ разумѣется Геката, управляющая Волхвованіями.

21) Три пучка: одинъ изъ бѣлыхъ, другой изъ розовыхъ, третій изъ черныхъ цвѣтовъ.

22) Надобно представлять два бюста Дафниса: одинъ изъ глины, другой изъ воску; — воскъ означаетъ чувствительность души; — твердѣющая глина — постоянство и вѣрность. —

Коварство и невѣжество для уловленія умовъ избирало въ чародѣйствѣ вещи, имѣющія къ извѣстнымъ обстоятельствамъ отношенія, основанныя на подобіи, такъ какъ здѣсь, глина, воскъ, мука, лавры и пр. — Сіе видимое соотношеніе почиталось дѣйствительнымъ.

23) Нещастная любовница увѣрена была, что сокрывъ одежды любовника подъ прагомъ дома, можно заставить его противъ воли придти къ нимъ; и что нѣкая тайная сила, привлечетъ его, откуда бы ни было, къ сему мѣсту. — У древнихъ прагъ комнаты игралъ весьма важную роль въ любовныхъ волшебствахъ.

24) Понтъ, страна въ малой Азіи; въ ней царствовалъ нѣкогда Миѳридатъ, которому не могли вредить ни какіе яды. —

25) Чудесное волшебство имѣло щастливой успѣхъ. — Любезный возвратился, и вѣрная любовница, вкушаетъ плоды своего могущества!

*

ЭКЛОГА IX.

Мерисъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Пастухъ, Мерисъ гонитъ своихъ овецъ въ Мантую, въ дань новымъ владѣльцамъ, поселеннымъ въ здѣшнемъ краю Октавіемъ, что видѣли мы въ 1й Эклогѣ. — На дорогѣ встрѣтился съ нимъ Лицидъ, другой пастухъ, которому онъ раскaзываетъ о бѣдствїяхъ хозяина своего Меналка и о своихъ собственныхъ; при семъ случаѣ, угнѣтенные пастухи воспоминаютъ о протекшемъ щастїи и забавахъ своихъ, и поютъ любимыя пѣсни Меналка, которыми отличался онъ въ молодости, и при лучшихъ обстоятельствахъ.

Лицидъ.

Куда, Мерисъ, куда? иль въ городъ, что купить?....

Мерисъ.

О Лицидъ! — до чего намъ богъ велѣлъ дожить! —
Кто зналъ, что нѣкогда, алчбою предводимой,

в.

Пришлецъ 1), какъ хищной волкъ, ограбивъ край
родимой,
Мнѣ скажетъ: все мое! — ищи другихъ полей! — —
Но такъ уже судьба! . . . Не намъ бороться съ ней!
Вотъ скотъ нашъ: весь идетъ, — тирановъ гордыхъ
пища! —
Вкушай во здравіе, пей горьки слезы нища! . . . .

Лицидъ.

Я слышалъ, — вѣрно ли? слагателю стиховъ,
Меналку отдано все поле 2) отъ холмовъ
Гдѣ начали они примѣтно унижаться,
И гордою главой на грудь равнинъ склоняться,
До самыя рѣки, до тѣхъ высокихъ ивъ,
Разбитыхъ молніей. . . .

Мерисъ.

Былъ слухъ такой — но лживъ!
Ахъ, Лицидъ, что стихи предъ грозными мечами? —
Что робкой голубокъ орлицы предъ очами? —
Когда бъ не вѣщій вранъ изъ стараго дупла
Меня предостерегъ отъ споровъ и отъ зла, —
Тогда бъ, Мерисъ, прощай! — Меналку бъ тоже было! . . .

Лицидъ.

Ахъ! нѣтъ! такихъ злодѣйствъ и въ мысль не
приходило!
Отраду нашу, честь, у насъ Меналка взять! —
Кому же славить Нимфъ? Кто могъ бы украшать
Равнины влажныя весенними цвѣтами,
И свѣтлые ключи зелеными тѣнями? — 3)
Кто пѣсни бы слагалъ, столь милыя для насъ,

Какъ та . . . . что у тебя укралъ я въ доброй часъ,
Когда ты съ Лидою рѣзвился подле саду! . . .
При ней ты весь не свой: и самаго украду! . . . .

„Титиръ! паси овецъ! — дорога не долга:
„Я скоро возвращусь! — какъ тѣнь падетъ въ луга,
„Титиръ, напой овецъ! — однако не встрѣчайся
Съ козломъ моимъ: онъ бьетъ: смотри, остерегайся!" 4)

Мерисъ.

„А пѣснь для Варія? — конца еще въ ней нѣтъ!

„О Варій! — 5) пусть для насъ, пусть Мантуа цвѣтетъ!
„Ахъ, Мантуа, сосѣдъ нещастливой Кремоны! . . . 6)
„Хвала Защитника, презрѣвъ стихій препоны,
На крылахъ лебедей 7) вознесется въ храмъ боговъ!"

Лицидъ.

Да вредъ не посѣтитъ златыхъ твоихъ сотовъ! 8)
Да кравы молокомъ тебя обогащаютъ! —
Воспой, воспой, пастухъ! — и насъ не отвергаютъ
Друзья Кастальскихъ водъ; — есть пѣсни и у насъ!
Знакомы пастухи, внимая слабый гласъ,
Меня зовутъ пѣвцомъ; — но, вѣрно, для забавы! —
Что пѣлъ достойнаго твоей, о Цинна, 9) славы! —
Что пѣлъ для Варія! — — — нѣтъ! смолкни поскорѣй
Неугомонный гусь 10) при стадѣ лебедей! —

Мерисъ.

Хоть скучно мнѣ, спою! пожди одно мгновенье;
Я съ мыслями сберусь; всѣ хвалятъ пѣснопѣнье! —

е..

„Сюда, красавица! — что радости въ волнахъ? 11)
„Сюда приди скорѣй! — на щасшливыхъ поляхъ
„Румяная весна здѣсь лики собираетъ,
„И красные брега цвѣтами усыпаетъ!
„Здѣсь тополь, виноградъ, сливъ сумраки тѣней,
„Склонились съ нѣгою надъ хижиной моей! —
„Приди! — не слышно здѣсь волны ревущей грозно
Ни плеску береговъ. . . . . . “

Лицидъ.

Постой, что пѣлъ ты поздно
Въ лѣсу, какъ свѣтла ночь дремала межъ холмовъ; —
Я вспомнилъ бы напѣвъ, но жаль, не знаю словъ! —

Мерисъ.

„О Дафнисъ, не дивись путямъ свѣтилъ извѣстныхъ: 12)
„Свѣтило новое взошло въ кругахъ небесныхъ!
„Свѣтило Цезаря на землю благость льетъ! —
„Обилье на поля въ лучахъ его течетъ,
„И черный виноградъ румянится плодами! —
„О Дафнисъ, украшай сады твои древами,
Разсаживай, трудись! — твой правнукъ плодъ сберетъ! “

Нѣтъ! Мерисъ устарѣлъ! — все съ лѣтами уйдетъ!
И сердце, кажется, часъ отъ часу хладѣетъ!
Бывало, въ юности, Мерисъ не оскудѣетъ
Ни въ силахъ, ни въ жару, хотя поетъ весь день! —
А нынѣ: — то забылъ, — то грустно мнѣ, — то лѣнь!
И голосъ на устахъ, какъ будьто, угасаетъ! —
До пѣсней ли, когда могила призываетъ! —
Нѣтъ, лучше подождемъ Меналка самаго! —

Лицидъ.

Отказъ мучительной для друга твоего! —
Смотри; все море спитъ, какъ ночью лугъ зеленый;
Не шепчутъ вѣтерки, цвѣтами усыпленны,
И путь не такъ далекъ . . . . . . смотри: уже видна
Гробница Окнуса; 13) гдѣ въ рощѣ издавна
Оратаи дрова для хижинъ собираютъ;
Отдохнемъ мало здѣсь. — Пусть овцы погуляютъ. —
Спой, спой, хотя одну. — Еще не поздно намъ:
Боишся, можетъ быть, чтобъ ночь по небесамъ
Разславшись тучами, дождя къ намъ не наслала;
Пойдемъ . . . . . но пой, чтобы дорога не скучала;
А бремя мнѣ отдай; твое легко мнѣ несть! . . . .

Мерисъ.

Нѣтъ! полно, не могу; — другое дѣло есть! —
А пѣсни и тогда еще не позабудемъ,
Когда придетъ Меналкъ, когда щастливы будемъ!

*

Примѣчанія.

По свидѣтельству Сервія, Эклога сія писана въ томъ самой годъ, въ которой поля Кремонскія и Мантуанскія раздѣлены были между Ветеранами, — и слѣдовательно, не много послѣ первой Эклоги. — Въ лицѣ Меналка представляется самъ Виргилій. — Онъ дѣйствительно былъ въ крайней опасности, и возвращеніемъ земли своей, и сохраненіемъ самой жизни обязанъ единственно Поэзіи, которая отворила ему двери въ чертоги знаменитѣйшихъ Римлянъ. — Подъ именами Мериса и Лицида разумѣются, безъ сомнѣнія, или родственники или сосѣди Виргилія, которые раздѣляли съ нимъ горькую участь изгнанія.

1) Новой владѣлецъ изъ старыхъ воиновъ, поселенный на чужой землѣ.

2) Описывается мѣстоположеніе полей Виргиліевыхъ, находящихся между горами и рѣкою Минціемъ.

3) Въ подлинникѣ:

> Quis caneret Nymphas? - - quis humum florentibus herbis
> Spargeret? - - aut viridi fontes induceret umbra? - -

Образъ выраженія, свойственный Виргилію; мнѣ хотѣлось удержать его и на Рускомъ. — Украшать равнины цвѣтами, значитъ: воспѣвать, живописать, какъ украшаются онѣ цвѣтами, и пр.

4) Сія пѣсня взята изъ Теокрита слово до слова.

5) Объ Варіи смотр. примѣчанія къ Эклогѣ VI.

6) Виргилій хочетъ сказать, что Мантуя сдѣлалась нещастною потому, что находится въ сосѣдствѣ съ Кремоной; ибо, когда полей Кремонскихъ не достало по числу поселяемыхъ воиновъ, тогда назначены были къ раздѣлу и земли Мантуанскіе, не смотря на то, что владѣльцы ихъ держали сторону Августа.

7) Подъ именемъ Лебедей разумѣются Стихотворцы, распространяющіе славу Героевъ.

8) Оборотъ заклинанія или увѣщанія, употребляемой въ то время, когда хотимъ кого убѣдить.

9) Цинна былъ Поэтъ, написавшій Поэму, подъ названіемъ Смирна. — Нѣкоторые, и съ большею вѣроятностію, думаютъ, что сіе относится къ Корнелію Циннѣ, внуку великаго Помпея. — Сначала онъ былъ непріятелемъ Октавія; но послѣ наслаждался всею его довѣренностію. — Сей же самый Цинна, завлеченный развратными людьми, сдѣлалъ страшный заговоръ противъ своего благодѣтеля, которой при семъ случаѣ показалъ еще важнѣйшее доказательство великости духа и любви своей къ неблагодарному: онъ его простилъ. — Всѣмъ извѣстна трагедія Корнеля, подъ названіемъ, Цинна. — О Варіѣ смотр. выше.

10) Гусь по латыни anser. — Симъ же именемъ назывался Стихотворецъ во времена Вирги-

ліевы, ласкатель М. Антонія, получившій отЪ него знатныя маетности, изЪ земель, принадлежашихЪ Помпею. — Виргилій дѣлаетЪ забавную принаровку кЪ имени бѣднаго Поэта.

11) И это отрывокЪ изЪ Теокритовой Идилліи, называемой ЦиклопЪ.

12) ВЪ сіе время существовало общее мнѣніе между Римлянами, что Комета, явившаяся вЪ продолженіи похоронныхЪ игрЪ, вЪ честь Юлія Цезаря, была душа сего Героя, принятаго вЪ небо. — Галлей и другіе ученые мужи, увѣряютЪ, что сія звѣзда видима была вЪ другой разЪ вЪ 1680 году. — Виргилій весьма остроумно воспользовался мнѣніемЪ народа, дабы прославить Цезаря, какЪ одного изЪ боговЪ полевыхЪ.

13) ОкнусЪ, Царь ТусковЪ, сынЪ Тибра и Нимфы МантусЪ, имѣвшей дарЪ пророчества. — ОкнусЪ основалЪ городЪ, и назвалЪ его, именемЪ Матери, — Мантуею. — Его гробница находилась на дорогѣ, по обычаю древнихЪ. — Отсюда эпитафіи: Sta viator, abi viator. — Иные думаютЪ, что ОкнусЪ былЪ одинЪ изЪ славныхЪ ГероевЪ МантуанскихЪ.

ЭКЛОГА X.

Галлъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Кней Корнелій Галлъ, оставленный любовницей, въ жесточайшемъ отчаяніи, оплакиваетъ нещастную страсть свою. — Онъ представляется въ видѣ пастуха Аркадскаго, сѣтующаго посреди печальныхъ товарищей, въ присутствіи боговъ, которые, во времена героическія, жили вмѣстѣ со смертными, и утѣшали ихъ среди нещастій. — Сцена дѣйствія означена въ самой Эклогѣ.

Насталъ послѣдній трудъ! — Поборствуй Арету-
за! — 1)
Для Галла 2) воспоетъ моя печальна Муза,
Не многіе стихи для Галла моего, —
Да тронетъ наша пѣснь Ликориду его! 3)
Какъ Галлу отказать въ слезахъ и въ пѣснопѣньи? —
О! будь щастлива ввѣкъ въ подземномъ ты стрем-
леньи; —
Съ Доридой горькою неслейся никогда! — 4)
Начнемъ, оставимъ здѣсь игривыя стада,
Резвиться въ зелени, щипать младыя травы,
Начнемъ, повѣдаемъ слѣпой любви отравы!
Пою не для глухихъ: лѣса даютъ отвѣтъ. —

Наяды нѣжныя, о дѣвъ прелестныхъ цвѣтъ! — 5)
Въ какихъ поляхъ, тогда гуляли вы спокойно,
Когда вашъ другъ страдалъ любовью недостойно! —
Ни Пиндъ, ни Геликонъ, ни каменной Парнасъ,
Въ то время не могли собой утѣшить васъ. —
Здѣсь плакали объ немъ и лавры и оливы,
И Меналъ, соснами вѣнчанный, горделивый;
И выспренній Лицей, 6) отецъ угрюмыхъ скалъ:
Все плакало тогда, всѣхъ тронулъ бѣдный Галлъ.
Онъ тамъ сидѣлъ одинъ, на дикомъ брегѣ бездны;
Овечки ставъ кругомъ. . . . (Ахъ! овцы мнѣ любезны! —
Свирелью пастуха не оскорбись, пѣвецъ!
Адонисъ 7) былъ пастухъ, и самъ стерегъ овецъ!)
Овечки, кажется, страданье съ нимъ дѣлили:
Тебѣ, знать, не до насъ! — глазами говорили. —
Притекъ пастухъ вепрей, явился стражъ воловъ,
Хранитель быстрыхъ сернъ спускается съ холмовъ,
Тамъ съ зимними Меналкъ плодами поспѣшаетъ,
И влажныя края одежды выжимаетъ. —
У всѣхъ одинъ вопросъ: отколѣ страсть сія? —
Нисходитъ Фебъ: о Галлъ! — Слѣпой! тоска твоя —
Ликорида твоя — другаго утѣшенье! —
Съ другимъ и по снѣгамъ, и въ бурное сраженье!....
Нисходитъ съ горъ Сильванъ 8) (по верхъ сѣдыхъ власовъ
Колеблется вѣнокъ изъ лилій, васильковъ;)
За ними Панъ грядетъ, богъ весей сановитый.
(Самбука кровію горятъ его ланиты.)
Скрѣпись, вѣщаетъ онъ: — что въ горести пустой? —
Наскучитъ ли пчела медвяною росой,
Овечки — зеленью, цвѣточки — ручейками,
А лютая любовь — горячими слезами? —

Пусть такъ! — его отвѣтъ: знать, жребій мой
такой! —
Вы добрыя сердца, оплачте жребій мой! —
Долинамъ и горамъ о Галлѣ возвестите,
Вы — славные пѣвцы, — вы смерть мою почтите! —
О! сладостно мой прахъ въ сырой землѣ уснетъ,
Когда мою любовь другъ Музы воспоетъ!
Почто я знатенъ сталъ! — почто не пастырь стада! —
Почто не стражъ простой младаго винограда! —
Тогда бы, можетъ быть, я горя не вкусилъ:
Съ Аминтой бы игралъ; Филлиду бы любилъ! —
(Нѣтъ нужды, что смугла веселая Аминта:
Почти такой же цвѣтъ фіалки, гіацинта.)
Здѣсь въ буковой тѣни, въ прохладной тишинѣ,
Одна бъ вѣнки плѣла, другая — пѣла мнѣ! —
Здѣсь роща, здѣсь лужокъ съ холодною водою,
Здѣсь радъ бы умереть, Ликорида, съ тобою!
Теперь безумна страсть влечетъ тебя къ врагамъ, 9)
Въ слѣдъ Марсовыхъ сыновъ, восрѣтенье мечамъ; —
Теперь свирѣпая (нѣтъ болѣ въ томъ сомнѣнья!)
Забывъ отечество, забывъ поля рожденья,
Ты любишь, ахъ! одна, всѣ страхи побѣждать,
Мразъ, бури и снѣга! . . . . 10) Ахъ, мразы,
умягчитесь! . . . . .
Ахъ! бури, нѣжныхъ розъ любезной не коснитесь!
Почтите красоту! . . . . . она — священна вамъ! . . . . .

Пойдемъ! — чего мнѣ ждать? — Въ утѣсахъ
страшныхъ, — тамъ, 11)
Унылая свирель, пусть звукъ твой раздается! —
Въ жилищѣ ужасовъ, гдѣ лютый тигръ пасется,
Тамъ должно мнѣ свое отчаянье скрывать,
На нѣжной древъ корѣ любовь изображать:

Растите дерева, расти любовь нещастна! —
Забытому судьбой пустыня не ужасна! —
Парѳенскіе лѣса, 12) хранитель Нимфъ, Меналъ,
Примите странника! — отнынѣ другъ вашъ — Галлъ! —
Тамъ, тамъ на шумной звукъ пробудятся свирѣпы
Станицы львовъ, вепрей; — ни скалы, ни вертепы
Ни бури, ни дожди меня не отвратятъ,
И лаемъ быстрыхъ псовъ дубравы загремятъ! —
Такъ! такъ! — я вижу васъ, угрюмые предѣлы;
Раздался крикъ ловцовъ, звѣнятъ пернаты стрѣлы!
Пойдемъ, забудемъ все, разсѣемъ скорбь свою! . . . . .
Увы! любовь! — и здѣсь, я чувствую твою
Мучительную власть! — 13) Дріады отступите! —
Прости моя свирѣль! — Лѣса, на вѣкъ простите. —
Все тщетно! — адъ со мной! — мой жребій положенъ!
Пусть буду въ царствѣ зимъ свирѣпыхъ заключенъ,
Средь дебрей Ѳракіи, гдѣ споритъ Гебръ со льдами,
Пусть буду обитать съ нещастными овцами,
Въ пустыняхъ Ливіи, подъ пламенемъ небесъ,
Гдѣ умирающій, полу-сгорѣлый лѣсъ
На матерней Землѣ не можетъ оживиться: —
Вездѣ любовь! — любви я долженъ покориться!!!

Здѣсь кончилъ томну пѣснь, о Музы, вашъ пѣвецъ! 14)
Онъ, слезы осушивъ, возсталъ — и наконецъ
Сокрылъ свою свирель: отнынѣ будь спокойна!
Коль Музы восхотятъ, то — Галла ты достойна! —
Такъ! — вѣчно возрастай къ нему моя любовь,
Какъ ольха юная, съ весною каждой, вновь
Подъемлется челомъ, и вѣтьви разстилаетъ.
Пора! — вечерня тѣнь вредна пѣвцамъ бываетъ, 15)
Опасна для плодовъ, опасна и полямъ! —
Ужъ мѣсяцъ на небѣ. — Овечки — ко дворамъ!

*

Примѣчанія.

Эклога сія отступаетъ отъ обыкновенной простоты Теокритовой, подобно IV Эклогѣ, посвященной Полліону, гдѣ описываются пророчества Сивиллы и блага золотаго вѣка. Виргилій съ удивительнымъ искусствомъ пользуется чувствами и мнѣніями, свойственными временамъ героическимъ, для того чтобъ не оскорбить слогомъ Эклоги достоинства Галла, представляемаго имъ въ видѣ простаго пастуха — Боги и смертные приходятъ утѣшать его Сила страсти отчаянной, исполненной порывовъ не обыкновенныхъ, не менѣе требовала такой возвышенности и паренія, по видимому, неприличнаго Эклогѣ.

1) Нимфа источника извѣстнаго подъ симъ именемъ, находящагося на островѣ Ортигіи, при берегахъ Сициліи. — Виргилій призываетъ Аретузу вмѣсто Музы; здѣсь родилась пастушеская поэзія: здѣсь писалъ Теокритъ.

2) Полководецъ и Поэтъ, любимецъ Октавія, и бывшій въ тѣсной связи со многими первыми людьми въ Имперіи. Онъ особенно отличился въ воинѣ Александрійской, при взятіи города Парегоніума. — Любовь свою къ Ликоридѣ описалъ въ четырехъ книгахъ, о которыхъ очень часто упоминаютъ съ похвалою Проперцій, Овидій, Марціалъ и другіе. Всѣ его сочиненія погибли. — Ослѣпленный своимъ могуществомъ и знатностію, въ послѣдствіи времени, часто оскорблялъ своего благодѣтеля, обличенъ былъ въ невѣрности, и наконецъ дурными своими поступками при-

нудилЪ его взять строгіе мѣры судіи, подтверженныя СенатомЪ. ОнЪ умертвилЪ самЪ себя вЪ отчаяніи.

3) Ликорида, Цитерида, Волюмнія, отпущенная на волю СенаторомЪ ВолюмніемЪ, славная Актриса и прелестница своего времени, любимая АнтоніемЪ, а послѣ ГалломЪ, и оставившая сего послѣдняго для новой жертвы своего ремесла. — Могущество ея было весьма велико, и простиралось даже на дѣла Государственныя.

4) Извѣстна басня обЪ Алфеѣ и Аретузѣ. — Алфей рѣка Пеллопонеза, достигнувЪ моря, не смѣшиваетЪ сЪ нимЪ водЪ своихЪ, но скрывЪ теченіе свое подЪ землею, выходитЪ на поверхность, на островѣ Ортигіи чрезЪ источникЪ, Аретузу. — Сіе необыкновенное дѣйствіе природы утверждаютЪ древніе Географы. — Стихотворцы обЪясняютЪ его посвоему: Алфей былЪ влюбленЪ вЪ Нимфу Аретузу: она убѣгаетЪ отЪ него, и по волѣ Діаны, покровительницы невинности, превращается вЪ источникЪ, удаляющійся путемЪ подземнымЪ на островЪ уединенный, Ортигію. — Алфей, превращенный также вЪ рѣку, находитЪ сей скрытный путь, и наконецЪ смѣшиваетЪ свои воды сЪ водами возлюбленной. — Дорида горькая, значитЪ горькую, соленую воду моря. — СмыслЪ сего принаровленія такой: ГаллЪ отЪ любви нещастливЪ: да не постигнутЪ тебя также нещастія, да не познаешь ты горестей. Дорида — дщерь Океяна, супруга Нереева.

5) Наяды, Нимфы тѣхЪ рѣкЪ, которыя вытекаютЪ изЪ горЪ Пинда, Геликона и Парнас-

са. — Виргилій укоряетъ ихъ за то, что онѣ не поспѣшили утѣшить своего Галла.

6) Лицей — горы въ Аркадіи.

7) Прекрасный сынъ Кипрскаго Царя Цинира, любимый страстно Венерою. — Забавляясь охотой на горѣ Идаліи, онъ уязвленъ былъ вепремъ, и умеръ, оплаканный Амурами и ихъ матерью.

Виргилій обращаетъ рѣчь къ Галлу и проситъ его извинить себя въ томъ, что онъ говоритъ съ нимъ языкомъ пастушескимъ.

8) Сильванъ, богъ лѣсовъ. — Иные почитаютъ его за одного съ Паномъ.

9) Должно думать, что Ликорида, влюбилась въ человѣка военнаго, забывъ и мирную Аркадію и прежняго любимца своего.

10) Сервій увѣряетъ, что слѣдующіе стихи взяты изъ самаго Галла. — Какъ бы то ни было; но они здѣсь чрезвычайно кстати, для выраженія чувствій вѣрнаго любовника, которой безпокоится о своей любезной и въ то время, когда она его оставила.

11) Переходъ быстрый, означающій мучительное волненіе сердца на все готоваго, все предпріемлющаго и въ ту же минуту, отвергающаго.

12) Лѣса въ Аркадіи, получившія имя отъ слова *παρθένος*, дѣва: потому, что дѣвицы въ сихъ лѣсахъ обыкновенно занимались охотою.

13) Снова перемѣняетъ свое намѣренiе Галлъ. — Мученiя любви не оставляютъ его.

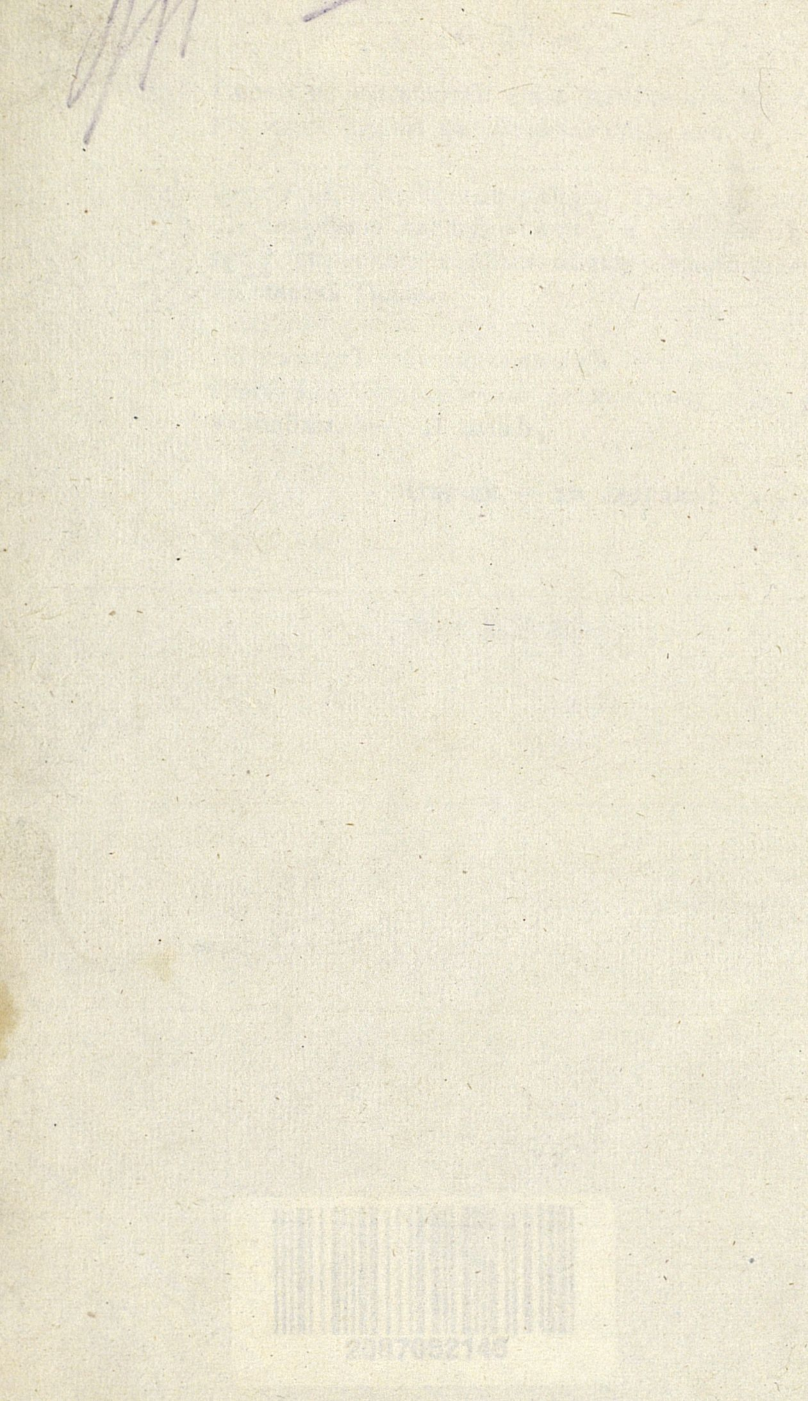
14) Виргилiй о себѣ говоритъ. Онъ прощается съ свирелью пастушескою, и поручаетъ Музамъ украсить слабыя пѣсни, воспѣтыя имъ въ честь Галла.

15) По самымъ обыкновеннымъ причинамъ. Стихотворцы подвержены ревматизму какъ и всѣ человѣки. — И такъ,

Овечки — ко дворамъ! . . . .

Конецъ.

20.-

